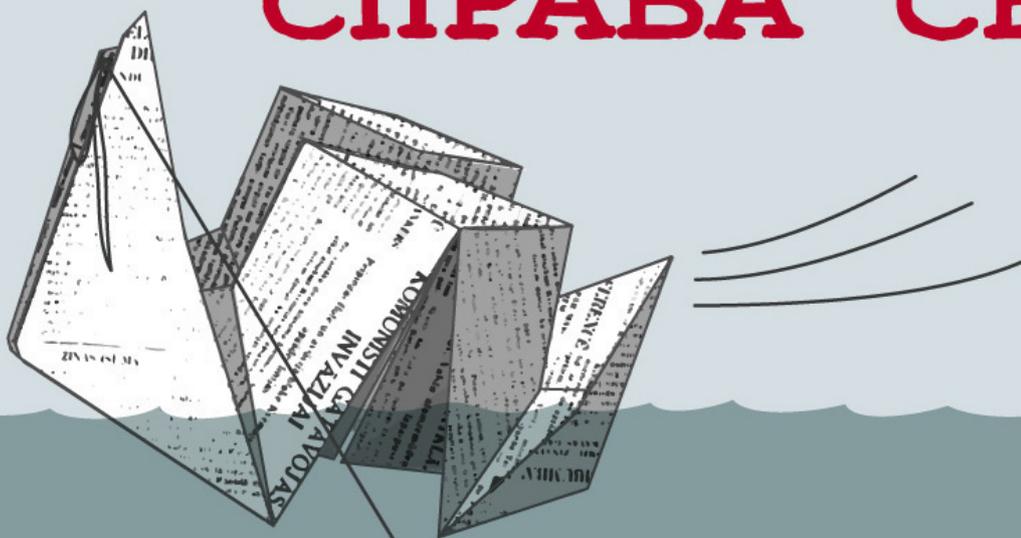

МИХАИЛ ШАХНАЗАРОВ

18+

СЛЕВА МОЛОТ, СПРАВА СЕРП

роман

о нашем
общем
прошлом

Одобрено Рунетом

Михаил Шахназаров

Слева молот, справа серп

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шахназаров М. С.

Слева молот, справа серп / М. С. Шахназаров — «АСТ»,
2019 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-110402-3

Ностальгический, полный приключений и безумно смешной роман о нашем общем прошлом. Эта книга — для тех, кто родился и вырос в СССР, а также для тех, кто уже не застал те времена, но очень хочет знать, как тогда жилось в стране на самом деле. Время и место действия: середина восьмидесятых, одна из союзных республик. Вода боржоми, валютный магазин «Березка», дефицитные импортные сапоги, случайно «выброшенные» в сельпо, и рестораны, в которые можно попасть без очереди только по знакомству, поездки в колхоз всем трудовым коллективом... В общем всё то, что мы и рады бы забыть, но с таким удовольствием вспоминаем, собравшись за рюмкой чаю.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

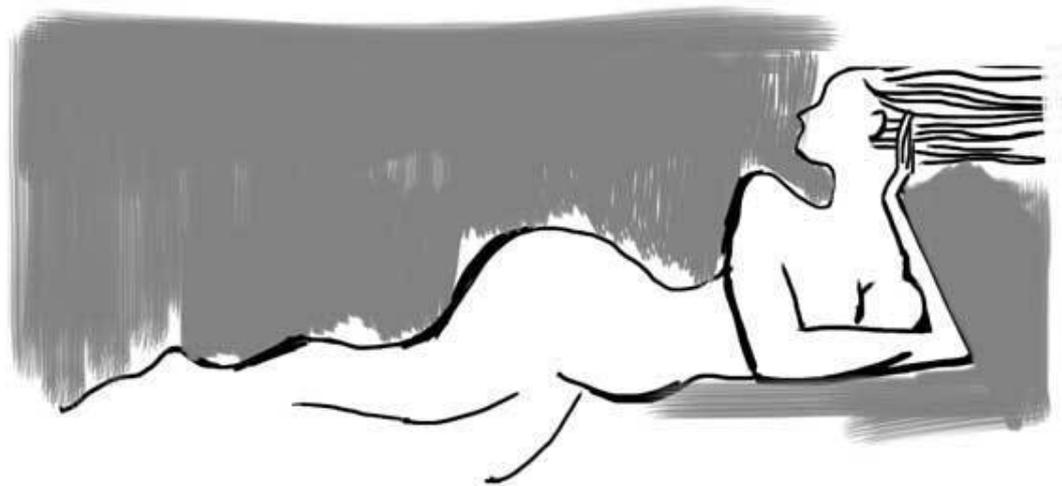
ISBN 978-5-17-110402-3

© Шахназаров М. С., 2019
© АСТ, 2019

Михаил Шахназаров

Слева молот, справа серп

Сюжет романа основан на реальных событиях

Андрей водил карандашом по тетрадному листку, старательно вырисовывая женскую грудь. Изобразить цельную фигуру Марьин пробовал, но графитовые дамы получались до безобразия сюрреалистичны. Груды удавались лучше. Даже в состоянии жутчайшего похмелья. Андрей справлял свое тридцатилетие всю рабочую неделю. Многие поражались, как этот художавый блондин среднего роста вмещает в себя столь внушительные объемы спиртного. Коллеги интересовались секретом удивительной стойкости. Марьин говорил о сибирских корнях и необходимости в регулярных тренировках организма.

У окна на ветхом стуле покачивался Роман Хузин – высокий, хорошо сложенный голубоглазый брюнет с заостренными чертами лица и ямочкой на волевом подбородке. Внимательно наблюдая за полетом жирной мухи зеленоватого перламутра, он с ленцой обмахивался газетой. Сделав несколько кругов над гипсовым бюстом Ленина, животное приземлилось на лысину Ильича и принялось сучить мохнатыми лапками. Рома медленно сложил втрое свежий номер «Молодежки». Удар вышел хлестким и метким. Марьин вздрогнул, сломал карандаш и, состроив гримасу неудовольствия, покосился на друга. На лбу статуи проявилась выпуклая клякса черного ливера. Газета полетела в мусорник.

– Глянь, Андрюша! – Хузин с гордостью развернул бюст лицом к Андрею. – Это тебе не сиськи корявые попусту малевать. Вот оно – искусство! Композиция называется «Муха Ильича». Смотри, Владимир моментально стал выглядеть живее. Живее всех живых... А то чересчур он унылый какой-то, – вздохнул Рома. – Чересчур он белый и правильный. А еще говорят, что мухи – безмозглые паразиты. Умные они. Знают места правильной посадки. Мусор, дерьмо, сласти и прочие отходы жизнедеятельности.

– Рома, вытри, а... Вытри плешь возлюбленного Инессы Арманд. Это же сразу две статьи УК. Печатным органом ЦК ЛКСМ Латвии ты испохабил башку тотема мерзким паразитом. Сейчас заглянет какой-нибудь сексот, и у нас будут проблемы. Вытри, Ромочка.

– Времена другие, Андрюша. Оттепель на дворе.

– Временно это все. Сегодня оттепель, а завтра – снова лютые морозы. Закрутят гайки и любым поступком в нос ткнут.

Говорил Марьин тяжело, с расстановкой. Несмотря на регулярные тренировки организма, похмелье он переносил тяжело. Виновата была привычка мешать с водкой все – от пива до ликера «Мока». Андрею принадлежало такое изобретение, как коктейль «Карабас». По его словам, «белая», смешанная с лимонадом «Буратино», усиливала скорость впитывания алкоголя в кровь.

– А может, это была паразитка, Андрей? И пыталась отложить личинки на гипсовый череп вождя. Но я предотвратил злостное надругательство. Спас лысого от мушиного гнездовья. От выводка, который бы окончательно засрал лоб вечно живого, – продолжал актерствовать Рома.

Тяжело вздохнув, Хузин смачно плюнул на полусферу и протер скульптуру скомканным листом бумаги. – Рома, давай начнем писать про лососей. Про благородных и полезных высшему обществу рыб. Главный уже начинает злиться. Я понимаю, что тебе херово... понимаю. Мне самому неважно.

– Когда творцу неважно, он просто обязан не писать. Что сказал Толстой? Не можешь не писать – не пиши! А что ты сейчас чувствуешь, Андрюша?

– Я чувствую, как в моей голове совокупляется пчелиный улей. Вернее, два. По одному в каждом полушарии. У меня в башке пасека, Рома. Пчелиная оргия у меня в черепе. Я, в отличие от тебя, даже муху прибить не в состоянии. А ты все шутишь. Все потому, что в твоей башке ферментов, расщепляющих алкоголь, осталось больше, нежели в моей. Если бы можно было купить эти ферменты, – мечтательно выговорил Марьин, – я бы закачал их себе в мозг и бросил пить. Давай хоть подзаголовок сочиним про лососей. Ром, ну пожалуйста...

– Улей в твоей башке жил всегда. Даже в период младенчества. Твоя мама всегда упоминает, каким ты умненьким мальчиком рос. И до сих пор ошибочно считает, что рос ты всем на радость. А знаешь, почему в твоей голове всегда был улей? Я отвечу. У тебя не мозги, Андрюша, у тебя настоящие медовые соты. Прими как искренний комплимент. Ты родился пухленьким, голосистым, розовожопым и до безграничности толковым. И с каждым годом сот становилось все больше и больше.

– Рома, заткнись...

– Нет, я продолжу. Твоя голова начала пухнуть от этих бесчисленных ячеек, и ты полюбил спиртное. Не сразу, конечно. Не как чукча с первого глотка, с дебютной рюмахи. Но полю-

бил сильно, отчаянно. И стоит заметить, во благо профессии. Подшофе у тебя мысли и строки намного удачнее. Просто сейчас в твоих полушариях начинает бродить древний напиток русичей «медовуха». Уже к вечеру мы плеснем на твои мозговые соты новой закваски. Они зашипят идеями, мыслями, новыми фразеологическими оборотами. По ценности я бы сравнил твои мозги с прополисом. Только, ради бога, не обижайся.

– Рома, умоляю! Хватит паясничать! Давай начнем писать. Не о розовожопых младенцах, сотах, улье, а о красной рыбе, о лососе. И потом... Не нужно сравнивать мои мозги с прополисом. Прополис – это пчелиный кал.

Скрестив ладони на затылке, Рома вновь принялся качаться на поскрипывающем стуле. Кабинет наполнился треском и жужжанием. В окно влетела «соплеменница» погибшей. Через пару минут Хузин с выражением прочел:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

– А что... Неплохое вступление. Отнеси главному, и мы докажем, что в СССР тоже есть безработица. Добавь капельку диссидентского – нас вышлют.

– Можно и диссидентского добавить, Андрюха. Например, так:

Все сосут, и мы сосем, не подозревая,
Как заботится о нас партия родная.

– Может, хватит, а?! Ты ведь историю про Сашу Томилаца знаешь?

– Как он на спор хотел янтарной струей в ствол пушки, что у памятника красным латышским стрелкам, попасть?

– Нет. Это другая история. Я про то, как он вьетнамской студентке стишок про «слева молот, справа серп» рассказал, а потом склонял ее к сношению в туалете кафе «Верблюд». Ну и где сейчас Александр?

– Ну и где сейчас Александр? – передразнил Рома.

– В психушке, Рома, он сейчас. В самом что ни на есть настоящем дурдоме.

– Слушай, там за Сашей место с детства еще забронировано. Ему пятнадцать лет было, а он в скворечники крысиный яд подсыпал. Это же каким дегенератом нужно быть?! Воровал мышьяк, приставлял к дереву лестницу и сыпал бедным птичкам это смертоубийство. А как его поймали, кретина?! Он со стремянки во время очередной акции навернулся. Ногу и ключицу сломал. Жаль, не голову. А в руке у него пакетик с ядом нашли. Когда начали выяснять причины, по которым он птиц изводил, Саша ответил, что все скворечники уже давно заняли вороны, а дворники с ними бороться не хотят. Дебил. Кстати... А девушку с широко смотрящими на мир глазами он в сортире кафе «Верблюд» отполировал?

– Об интимной жизни рижских туалетов я не осведомлен, Рома. И я прошу, давай начнем писать про лососей.

В кабинет вошла редакционный секретарь Зоя – высокая, статная шатенка с короткой стрижкой. Бывшая манекенщица «Ригас Модес», сказавшая «нет» легкому поведению и алкогольным коктейлям. Их роман с Хузиным, состоящий из сплошных разрывов, с интересом и потаенным злорадством обсуждала вся редакция. Последняя размолвка обернулась скандалом. Рома остался ночевать у возлюбленной. Вечернее пиво повело атаку на дамбы организма к восьми утра. Выйдя из туалета, Хузин увидел перед собой вялую пожилую женщину в бигудях

– у Зои гостила бабушка из Ленинграда. Труссы Романа остались в спальне; создавая интим, они затемняли абажур торшера. Прикрывать срамное место ладонями Хузин не стал. Открытый человек... Вытянув руки по швам, он кивнул головой в приветливой улыбке:

– Вы так похожи на сестру милосердия... В ваших глазах любовь, сострадание ко всему миру и нежность. Доброе утро, сестра.

– А вы похожи на великовозрастного идиота. Тоже мне, Распутин, – хмыкнула пережившая блокаду бабушка Зои.

Войдя в кабинет, Зоя поморщилась, демонстративно помахав перед носом ладошкой. Пожелтевшие лопасти крутящегося под потолком вентилятора лениво смешивали запах сигаретного дыма с флюидами перегара. Андрей резво наворачивал ушную серу на колпачок авто-ручки. В открытое окно рвался гудок прогулочного кораблика, слышались крики чаек.

– Зоюшка! – воскликнул Рома. – А я как раз к тебе идти и хотел. Мы статью новую пишем, Зоюшка. Статья о мощнейшем прорыве в области размножения рыб семейства лососевых. И я хотел у тебя совета испросить. Ты ведь для меня и муза, и главный критик. Только что я в муках закончил писать вступление. Как тебе такой вариант? – Придав лицу серьезное выражение, Рома сощурил глаза. Вытянутая ладонь взметнулась к потолку:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

Оцени, милая!

– Очередной пошлый намек на меня, Ром? Я про грудастую Зосю.

– А при чем тут ты? У тебя же нет сына. Грудь красивая есть, а сына пока нет. Но он будет! И вполне возможно, что от меня. Маленький, розовожопый шалун с медовыми мозгами и светлым, как твоя кофточка, будущим. Светлым, как твои помыслы и желания, Зоюшка.

– Рома, если ты не паясничаешь, то «белая» уже рядышком. Я без шуток, Ром. Зоей, сосущие Евсеи, розовожопые младенцы с медовыми мозгами. Ты же свои полушария сушишь, Ромочка. И юмор твой засыхает вместе с ними.

– Зоя, я все объясню! Евсей – это сын польской колхозницы Зоей Пшебздецкой. Труженицы села и передовицы во всех остальных начинаниях. Устав после сенокоса, Зоя присела под сосной. С тоскою селянки, радостями обделенной, посмотрела в небеса и вспомнила красавца-комбайнера... Вспомнила она Прокопия, отца Евсеюшки, который трагически погиб, тщетно стараясь заглушить телогрейкой пшеничную ниву, которую подпалили враги советской коллективизации. Утерев слезу, достала она свою мясистую грудь о сосках размером с лупу филателиста. Посмотрела на выглядывающее из пеленок сморщенное, багровое личико первенца... И начала с молоком отдавать Евсею все лучшее, что в душе ее израненной осталось. Такая вот грустная история, уместившаяся в написанное мною четверостишие. А ты говоришь «белая горячка». Это жизнь, Зоюшка.

– Хорошо у тебя, Рома, с фантазией. Комбайнер телогрейкой поле заглушить пытается. Сено Зоя косит не в поле, а в сосновом бору. А каковы метафоры! Соски размером с лупу филателиста. Сравнил бы еще с цветом «докторской колбасы». Ты деградируешь, Хузин.

– Нисколько, радость моя! И почему в бору? В поле она его косила. Поле, а на его краю одинокая сосна, – мечтательно произнес Роман и запел: – Во поле сосенка стояла, во поле мохнатая стояла, Зосю своей тенью прикрывала, а она Евсею грудь давала...

– Рома, если у меня сын и родится, я его как угодно назову. Хоть Евсеем, хоть Порфирием. Любым анахронистическим именем нареку. Но только не Романом. А родится он не от тебя. Я, может, и дура, Хузин, но уж точно не враг себе и своему будущему ребенку. И зашла я

не для того, чтобы твой горячечный бред выслушивать. Пришел очередной поклонник вашего бессмертного творчества. Стыдно, конечно, в эту симфонию запахов приглашать, но больно уж товарищ настойчив.

– Зоя, а может, не надо, а? – с мольбой вступил в разговор Марьян. – Ты же знаешь, что к нам ходят люди, далекие от нормальных психических кондиций. Люди, которым всегда хорошо, радостно и беззаботно. А нам сейчас плохо, Зоя... Давай ты скажешь, что мы на задании. Скажешь, что нас просто нет.

– А я уже сказала, что вы есть!!! – со злостью выговорила девушка. – Мне кажется, вы всегда есть! Даже когда пьяными шляетесь по бл... дям, отработывая легенду – «важное редакционное задание»!

Гость хозяевам кабинета не понравился. Серое, гладко выбритое, невыразительное лицо. Русые волосы тщательно умащены лаком. Наряжен по модному в среде фарцовщиков стандарту. Кипенно-белая тенниска с маленьким зеленым крокодильчиком. Новенькие джинсы, бежевые мокасины «Salamander». В ряды «пациентов» или «хомо долбо... бикусов», как их называл Рома, незнакомец не вписывался. Обычно к ним приходили рационализаторы, знахари, медиумы. Многие стояли на учете в психоневрологических лечебницах. Изобретатели шестиколесных инвалидок для слепых, хранители секрета по изготовлению «настойки вечного добра», потомки Циолковского и Мессинга. Все эти люди у Романа с Андреем уже побывали. Один принес кассету Жанны Бичевской, бутылку водки и карту с черными крестиками. Рома подумал, что крестики обозначают заброшенные кладбища. Оказалось, сокровища ордена тамплиеров. После матерных переливов Андрея читатель кассету дарить передумал. Бутылку водки за время разговора успели ополовинить.

– Здравствуйте! Меня зовут Гвидо Шнапсте, – бодро представился гость.

– Еще раз. Как, простите, вас зовут? – переспросил Рома.

– Шнапсте... Гвидо Шнапсте, – повторил фальцетом вошедший.

Говорил он без акцента. Скорее всего, закончил русскую школу.

– Прямо как Кузьма Петров-Водкин, – вставил похмельный Андрей.

– Ну да. Может быть, – замылся далекий от живописи Гвидо. – А я к вам, собственно, с предложением.

– Будем искать чашу Грааля? Или делать из нефти и танков сыр и колбасу? – громко спросил Хузин.

– А зачем делать из нефти и танков колбасу?

– А затем, что нефти и танков много, а колбасы и сыра нет. Ладно, давайте к вашему предложению, товарищ Шнапсте.

– Для начала хочу сказать, что просто зачитываюсь вашими материалами.

– Иногда, забыв про скромность, мы и сами собой восхищаемся, – усмехнулся Рома.

– Нет, правда. В статьях действительно много свежего, нового, рационального. Огромное вам за это спасибо! Здорово пишете, интересно! Но я хочу предложить тему, которая сделает раздел еще более популярным. Расширит, так сказать, его рамки. Может быть, она покажется вам несколько странной, но, на мой взгляд, принесет безусловную пользу. Тем более что времена сейчас другие. Гласность, свобода слова.

– Вы изобретатель? – поинтересовался Андрей.

– Нет, не изобретатель. Я работник общепита – простой официант.

– Официант тоже своего рода изобретатель. Искусство объегоривания клиентов с каждым годом все совершеннее, – пошел на обострение Рома.

– У каждого свой хлеб, – не растерялся Шнапсте.

– И у кого-то он с икрой рыб семейства лососевых, – промолвил Андрей.

Марьин покачал головой. Так вот откуда фирменное шмотье, запах дорогого одеколona и укладка, сделанная в фирменном салоне «Рижанин».

– И чем хотите порадовать? Чем хотите удивить читателя, товарищ Шнапсте? – спросил Хузин.

– Знаете ли, тема очень и очень деликатная. Можно сказать, интимная сфера нашей жизни.

– Влияние солнечного света на половую активность? Как использовать презерватив в домашнем хозяйстве? Вред половых контактов с инопланетянами и полевыми вредителями?

– Шутник вы, товарищ Хузин. Нет-нет. Несколько другое. Сейчас вкратце постараюсь изложить. Знакомый моряк, будучи в Роттердаме, купил журнал на английском языке. Журнал, надо сказать, достаточно фривольного содержания.

– Голландские женщины, с бесстыдством обнажающие тела перед объективами фотоаппаратов за сомнительные блага, – входил в роль Хузин. – Потерявшие стыд гомосексуалисты, затянутые в кожу и ошейники?

– Ну... не только. Кроме фотографий обнаженных женщин, есть и материалы, касающиеся отношений полов, а также сексуального здоровья.

– Ясно. Рассказы порнографического содержания, отталкивающие своей натуралистичностью. Глянцевая мерзость капиталистического общества.

– Нет, не рассказы. Статья. Очень занимательная статья. Ее автор ведет речь о новейших препаратах, потребление которых помогает значительно увеличить мужской половой орган. Причем и в длине, и в диаметре. Автор пишет о проблеме многих и многих представителей сильного пола. Стыд, комплексы... Как следствие – душевные травмы. Но ваш коллега пишет не только о лекарствах. Он рассказывает и о различных методах, при помощи которых можно достичь хороших результатов. Это и гимнастика члена с утяжелениями, и массаж при помощи...

– Гимнастика и массаж полового члена?! Вы идиот? Вы нас под статью хотите подвести, товарищ Шнапсте?! – резко оборвал речь гостя Хузин. – Желаете наслать на наши головы страшную кару? Печатный орган латвийского комсомола должен разместить материал об увеличении органа полового?! Рядом с трудами наших коллег об ударниках социалистического соревнования, достижениях промышленных предприятий, колхозов и совхозов?! Наш голландский коллега... Не нужно записывать в наши коллеги сексуально озабоченных извращенцев! Может, еще сопроводить статью двумя фотографиями с подписью: «Найдите пять отличий» или 4 «До и после»? Вы, вообще, думаете, о чем говорите, товарищ Шнапсте?!

– Конечно! Конечно же, думаю, – не отступал гость. – Я думаю, и в нашей стране есть такие же методы. При нашем-то уровне медицины. Да и времена сейчас потеплее. Многие темы выходят из-под запрета.

– Наши медики заботятся о здоровье советских граждан, а не об удлинении и утолщении х...ев... Прошу прощения. Конечно же, половых органов.

– Роман, ну зачем вы так грубо? Все же, я думаю, и наши ученые такими проблемами занимаются. А может, и средства народной медицины помогают. Отвары, настойки на травяных сборах. Вы же знаете, что в Риге работает чуть ли не единственная в Союзе гомеопатическая аптека. Моя бабушка там часто травки покупает.

– Колдунья? Ворожит?

– Нет. Хворает часто.

– Здесь не уголок знахаря, товарищ Шнапсте! И советским мужчинам не требуются манипуляции по увеличению членов ц... – Хузин чуть не ляпнул «ЦК КПСС». – У нас в стране прекрасная рождаемость! Наши жены счастливы и удовлетворены во всех отношениях: и морально, и физически. Это там... это у них проблемы с детородными органами. Поэтому

на лицах женщин из капиталистических стран так редко можно видеть улыбку. Сравните их с лицами наших африканских подруг. То есть друзей, конечно. И вы все поймете.

Лицо Шнапсте сделалось испуганным. В ресторане он был на хорошем счету. Регулярно заносил конверты директору. Дорогие проститутки готовы были отдаться ему за табличку «зарезервировано». У него всегда находились контрамарки на хоккей, дефицитные продукты и билеты в театр. А сигнал сознательных комсомольцев может стать роковым. Люди ведь при покупке презерватива румянцем стыда исходят. «Трихопол» просят отпустить с закрытыми глазами и дрожью в коленях. А предложение написать об удлинении полового члена можно считать высшим проявлением глупости.

Хузин еще раз внимательно посмотрел на гостя. Подумал, что на провокатора Гвидо похож мало. Да и смысл в такой провокации? Комитетчик? Там есть не лишённые чувства юмора люди, но им такая клоунада ни к черту. Менты столь изощренными методами не работают, да и не их это пространство. Скорее, у самого Шнапсте не больше двенадцати сантиметров. Для официанта это унижительно. Возможностей переспать после смены – больше, чем обсчитанных клиентов. И вот снимает он тенниску с крокодилом, стягивает джинсы «Wrangler», трусы из валютника «Березка». А там какие-то жалкие миллиметры. Будучи авантюристом, Рома пошел ва-банк:

– Гвидо, не стоит так переживать. Ну да... может, я был слишком резок. Но и вы хороши! Такое предложить, а! Труд журналиста нелегок, Гвидо. Мы же, как на минном поле. Не зря нас называют «саперы газетных полос», – увлеченно врал Хузин. – Неверный шаг – и тут же прогремит идеологический взрыв. Каждое слово должно быть выверено. Ведь бои на невидимом фронте идут круглые сутки. Они жестоки и порой непредсказуемы.

– Да-да... Конечно же, я вас понимаю. Мы ведь тоже как саперы. Проверки из общепита, товарищи из ОБХСС. Каждая смена как последняя. Идешь к столику с подносом, а под ногами словно канат натянут. Иногда моряки могут физические увечья нанести. Я уже не говорю о хоккеистах. Такое впечатление, что у них сотрясений мозга больше, чем у боксеров.

– Ну вот видите! В чем-то наши профессии схожи. Значит, и вы саперы. Саперы счетов и подносов. А это напряжение. Адское, сумасшедшее напряжение. Сегодня разносишь еду, а завтра получаешь ее через узенькое окошко железной двери. – На этих словах Гвидо еле заметно дернулся. – Но к делу. Гвидо, а можно я задам вам один не совсем скромный вопрос? Отвечать на него или нет – дело ваше. На отказ я не обижусь.

– Задавайте, конечно.

– А вот вы, Гвидо. Вы бы хотели, скажем так, несколько модернизировать свой половой орган?

Хузин демонстративно помял ладонью брюки в области паха.

– А вы, товарищ Хузин? – напрягся Шнапсте.

– А я его уже увеличил, – тон Ромы стал заговорщическим. – И мой коллега тоже может похвастать некоторыми успехами в этой области развития человеческого организма. И это в наши-то годы. Совсем уже не юные годы.

На взгляд Гвидо Марьин отреагировал утвердительным кивком:

– Но показывать я ничего не буду. У меня в трусах не кунсткамера и не музей анатомии.

Мысли Андрея были далеки от размера халдейского пениса. Трижды произнесенная фамилия Шнапсте тянула к запотевшей рюмке.

– Шутите? – чуть ли не по слогам выговорил официант.

– Все нет. Когда дело касается здоровья человека, шутки неуместны. Просто вы чертовски везучий человек, Гвидо.

– И в чем же заключается это везение?

– Вы производите впечатление надежного и порядочного человека, Гвидо. А таких людей все меньше и меньше. Чтобы и надежный, да еще и порядочный. Давайте так. Если не секрет,

у вас что линейка показывает? Только не краснейте – здесь все свои. И не забывайте, что еще совсем недавно мы с Андреем были вашими товарищами по несчастью. Ну или, скажем так, по проблеме. Знаем, как тяжело нести это малюсенькое бремя. Проведешь ночь с женщиной, а потом страдаешь, думаешь, а не симулировала ли она оргазм? Чувствовала ли магическое проникновение? Стоны удовольствия это были или разочарования? А о любви днем или при включенном свете вообще думать не приходится. А если человек еще и нудист... вы случайно не нудист, Гвидо?

– Я? Да господь с вами! Говорят, их милиция отлавливает, а потом в целях профилактики мужчин шлангами для поливки огорода по гениталиям бьет.

– Да, нудизм в нашей стране – это забава для людей отважных и рискованных. А мужской плотью не увлекаетесь?

– Господь с вами! Только женщины.

– Хорошо... Так сколько там у нас по шкале обычной линейки?

– Мне даже неудобно сказать. Десять, десять сантиметров, – выдал из себя побледневший Шнапсте.

– Давно последний раз измеряли?

– Бросил это занятие как бесполезное.

– И при помощи чего замеры производили?

– Портняжный метр использовал.

– М-да... Обидно, наверное, портняжному метру.

– Мне и самому обидно. Хочется, чтобы все было иначе.

– Многим хочется. Но не всем дано привести свой агрегат к впечатляющим формам, – прицокнул языком Хузин. – Вот что, Гвидо. Сегодня вечером я свяжусь со своим близким знакомым. Он работает на одном из флагманов советской фармацевтики. На нашей гордости – заводе «Олайнфарм». Постараемся начать операцию по решению вашей проблемы.

– И когда можно будет узнать об исходе этой операции?

– Позвоните завтра. Часов в одиннадцать-двенадцать. Полагаю, нам удастся быть вам полезными.

Редакцию Гвидо покидал в приподнятом настроении. У Марьино оно, наоборот, ухудшилось.

– Рома, что ты удумал?

– Завтра увидишь.

– Какой препарат?! Какой знакомый с «Олайнфарма»?

– Какой-какой. Артис Пабрикс.

– Ты что, совсем охерел, Рома? Артису уже три месяца как срок впаляли. За кражу спирта в особо крупных.

– Знаю, Андрюш. Но мы ведь помним его вкусный спирт. И его тоже помним. И жаль... очень жаль, что в этой стране особо крупным размером считается сотня-другая литров.

– Рома, а с хоккеем сегодня что?

– А на хоккей мы идем. Миша Абалмасов две контрамарки вынесет.

За неделю до появления в редакции Шнапсте Рома с Андреем получили редакционное задание. Институт рыбного хозяйства Латвии запатентовал новое изобретение: эксперименты показали, что при инъекциях гормона гонадотропин самки лосося активнее мечут икру. На ассортименте рижских гастрономов открытие не отразилось. Народ и кошки налегали на кильку и хек. По четвергам столовые теряли клиентуру – четверг был рыбным днем. С ужасающим амбре и гастроэнтерологическими последствиями. Марьину с Хузиным поручили съездить в НИИ и донести до читателей о достижениях латвийских рыбопромышленников.

В помещениях института пахло хлоркой и рыбой. На стеллажах покоились разнокалиберные колбы с заспиртованными карасями, плотвой, лососем и другими обитателями водоемов. Две женщины неопределенных лет в белых халатах сутулились над микроскопами, портя зрение и усугубляя остеохондроз. Пучеглазый седой латыш, смахивающий на хворого филина, вел рассказ о жизни костных и хрящевых. По его логике, без советской власти чешуйчатые бы давно вымерли. Думал он, естественно, по-другому. Хузин задавал вопросы с намеками. Сколько тонн лососевого мяса выуживают в питомниках? Сколько красной икры в среднем потребляет житель Латвии за год? Специалист опытов над хордовыми делал вид, что не слышит. Прозвучи вопрос о количестве хека на душу населения, ответ последовал бы незамедлительно. Расчет получить в подарок пару баночек икры не оправдался. Марьян впал в легкое расстройство. На фабрике «Лайма» их задаривали конфетами и марципанами. Завод «Страуме» презентовал кофемолки, миксер и «Мешок смеха». С ликероводочного журналистов торжественно выносили. Труженицы колхозов и совхозов безропотно и страстно отдавались. У Андрея был даже секс в коровнике. Но Институт рыбного хозяйства на них пошло сэкономил.

Однако без подарка друзья не остались. Закончив рассказ, научный сотрудник с улыбкой презентовал гостям пробирку с гонадотропином – жидкостью охристого цвета. На выходе из учреждения Хузин запел:

- Оранжевое солнце, оранжевое небо и в жопу лососихе оранжевый укол. Скупердяи!
- Да... еще то жлобье, – возмутился Андрей. – Могли бы авангард журналистики и порадовать. Опять кильку под «беленькую» жрать придется.
- Главное, Андрюха, что мы еще сами до «беленькой» не ужрались. А то скакали бы по редакции, как Сашка Брылин, и орали, что Анжела и Господь искололи вилками всю спину.
- Кстати... А кто такая Анжела?
- Собака его. Карликовый пинчер.

Рижское «Динамо» завершало сезон товарищеской игрой. Лишние билеты на матчи команды начинали спрашивать еще у «Детского мира», за целую остановку от ледовой арены. Люди со связями доставали абонементы на целый сезон. Те, у кого были знакомые хоккеисты, разживались контрамарками. Куда пропадали остальные квитки на сидячие места, иногда было загадкой даже для спекулянтов. В кассах можно было купить только корешки на галерку. Рома водил дружбу с нападающим динамовцев Мишей Абалмасовым и проблем с посещением матчей не испытывал. Походы на игру для многих болельщиков стали ритуалом. В перерывы из дворца выбегали толпы мужчин и неслись к бару «Видземе», который прозвали «мышеловкой» за огромный брендмауэр над входом в заведение. На нем была изображена деревянная мышеловка, прихлопнувшая пачку «Примы», снизу на латышском и русском Минздрав предупреждал о вреде курения. Для барменов и официантов дни большого хоккея были самыми урожайными. Напоить за 15 минут целую ораву болельщиков обслуге было не под силу, но выход нашелся. На длинной стойке в несколько этажей выстраивались подносы с «отверткой»

и «кровавой Мэри». Скорость обслуживания возросла в разы. Некоторые за перерыв успевали опустошить по три стакана с коктейлями. Все было основано на честности клиентуры.

После первой двадцатиминутки рижане вели 2:0. В «мышеловке» было шумно и накурено. Рома встретил бывшего одноклассника, Зимина, по кличке Юра Данхил. Бросив университет, Юрий подался в фарцовщики. Специализировался он на сигаретах и шмотье.

– Что такой грустный, Юрок?

– С партией джинсов попал. Все труды за долгие месяцы попросту сгорели.

– И как ты с твоим опытом умудрился?

– Да Алик, портной, подставил, сучара. Мне барыга из Пскова заказал сто пар «Монтаны» оригинальной. А у Алика, сам же знаешь, – и материал из Голландии мореманы прут, и фурнитура классная на ВЭФе клепаются. Тот же оригинал, но местного пошива. Не курил бы он еще «план», как простые сигареты...

– Девки у него строчат отменные, я слышал.

– Ага. Вот и дострочились. Взял я у него джинсу, рассчитался. Приехал этот скобарь за товаром. Начал проверять. Все отлично! И молнии, и заклепки, и лэйблы. И вдруг видит, бл... дь, на одной паре карманы совершенно разные. На левом монтановская «М» выстрочена, а на правом – вранглеровское дабл ю.

– Сказал бы, что заводской брак.

– Я так и сказал. Но когда он увидел нашивку «Вранглер» с двумя «М» на карманах...

– Так пусть Алик перешьет, и отдашь в розницу у «часов мира».

– Уже не отдам. Слава Ковин забрал штаны на реализацию. А через два дня забрали Славу. С джинсами, проституткой Ларой и ящиком сигарет. Сигареты были тоже мои. Итого, у меня восемь тысяч семьсот рублей чистого убытка. Главное теперь, чтобы Славик молчал.

– Да будет молчать твой Славик. Чтобы группу не пришили. Юрка, слушай. А ты вот как думаешь? Есть в нашей державе препараты, увеличивающие размер полового члена?

– Тебе-то зачем? Недавно с Юлькой Брандт и Оксанкой Лемешевой разврат устроили.

Ох и нахваливали они тебя, Ромыч. Говорят, вот это конь! Вот это мустанг-иноходец!

– А с чего это их на приятные воспоминания потянуло?

– У меня на журнальном столике газета лежала с твоей статьей. Я и говорю, мол, вот он! Дружбан мой. Известным и уважаемым человеком стал.

– Понятно. Эти две голубки, значит, по-прежнему дуэтом гарцуют. А потом хнычут, что их замуж никто не берет. Юр, так есть препараты, о которых я спрашивал?

– За бугром, наверное, есть. Может, и партийным «шишкам» нашим тоже «шишки» увеличивают. Но я про такие лекарства не слышал. Конский возбудитель могу достать, если что.

– Этого счастья мне пока не надо. Юрка, пошустри по своим. Телефон мой есть.

Шнапсте позвонил в четверть первого. Рома исполненным важности голосом сообщил Гвидо, что того с нетерпением ждут. Официанта он решил удивить с порога. Подойдя к шкафу, медленно открыл дверцы. Подобно факиру, подмигнул Гвидо. На ладони, словно магический жезл, заблестала пробирка. Содержимое стекляшки было цвета светлой охры.

– Вот оно – спасение! Топливо для полета в космос плотских утех! Зависть Эмиля Кио и знахарей-шарлатанов. Заряд для извлечения алмазов из глубоких карьеров желаний! – сыпал метафорами Рома. – И это не изобретение западных эскулапов, нет! Новейшая разработка советских врачей. Эффект сумасшедший! Даже бездушная линейка порадует столь значимым изменениям. А если линейка для младших классов, то ее может и вовсе не хватить. Препарат «Барадализон-7», дружище Гвидо. Прорыв вселенской медицины! Возможно, авторов выдвинут на одну из премий в области советской науки. Применяется внутримышечно. То есть посредством обыкновенных уколов. Ощутимый результат уже через месяц.

Марьян почувствовал, что после услышанного сердце гостя стало биться учащенной.

– Фантастика! Я же говорил! – возрадовался Шнапсте. – Говорил, что наши ученые намного сильнее своих коллег из стран Запада. А осязаемый результат – это примерно сколько?

– Ну... Сантиметров пять как минимум. А это много, Гвидо. Поверьте, очень и очень много. Взгляните сами, – Хузин показал на рисках линейки. – Но все зависит от особенностей человеческого организма. А также от питания, соблюдения режима и духовного состояния. Андриуш, на сколько делений твой прибор вытянулся?

– Четыре сантиметра и два миллиметра, – сквозь зубы процедил Андрей. – Но я уже давно не измерял.

Реклама заставила Шнапсте возбудиться еще больше:

– Вот и не верь после этого в судьбу! Не зайти я вчера к вам, так бы всю жизнь и промучился. Но в аптеках он, естественно, не продается?

– Гвидо... «Барадализон-7» в аптеках – это как балык и «Посольская» в сельпо.

– А почему «Барадализон» идет под номером семь? – любопытствовал официант.

– Есть три вида инъекции. Идут не под номерами, а под специальными кодами. Под кодом «три» выпускается препарат для незначительного удлинения органа. Соответственно, под кодом «пять» более действенное лекарство. «Барадализон-7» – самый мощный элемент в этой линейке препаратов. А вы говорите, аптеки. Аптеки у нас для продажи валидола, напалечников, бинтов и пиваков.

– Роман, во сколько мне обойдется чудо-лекарство? – Голос Шнапсте дрожал.

– Препарат пользуется успехом у людей далеко не простых. Вы, наверное, понимаете, о чем я. Так вот, учитывая этот фактор и фактор тотального дефицита, цена волшебного курса инъекций – пятьсот рублей.

– Полтысячи?! Это же почти по сто рублей за сантиметр! – воскликнул Гвидо.

– Хорошо считаете. Именно полтысячи. Такая вот арифметика затормозившей в развитии плоти. И не нужно так бурно реагировать на цифры. Лучше подумайте, сколько удовольствия и новых приключений принесут вам эти драгоценные сантиметры. Вы идете по пляжу. Гордо поднятая голова, обтягивающие плавки, а из них рвется на свободу настоящий Геракл. А взгляды! Сотни восхищенных взоров, огоньки желания, штабеля загорелой похоти!

Гвидо включил внутренний калькулятор. Сколько человек и за какое время нужно обсчитать. Сколько придется умыкнуть продуктов. Но решение было уже принято. Шнапсте отправился домой за деньгами.

Андрей не ошибся в своих предположениях. Ему были не чужды авантюры, но эта выходка Хузина в авантурные рамки Марьины не вписывалась. У него жена, маленькая дочка Машенька. А Рома ликовал:

– Наш тандем выходит на коммерческий уровень, Андриуша! И среди «хомо долбо... бикусов» есть достойные уважения экземпляры! Главное, чтобы он внушил себе, что может. Сила внушения – великое дело. Смотришь – и вправду бубука подрастет. Вспомни историю с Владиным. Внушил себе, что хочет дачу в Юрмале. Он просто бредил этой дачей. Она ему во снах являлась. Не прошло и месяца, как преставилась его бабуля. И дачу отписала не на сестру Владина Жанну, а именно на него. Не на порядочную женщину, а на выжигу, пьяницу и разгильдяя.

– Но весь антиквариат, который потянет на три таких дачи, она отписала на порядочную сестру Жанну. Рома... ты всерьез хочешь двинуть ему гонадотропин? Ты что, идиот, бл...дь?! – заорал Андрей. – А если этот ресторанный модник помрет? Нам пришлют убийство. Ты когда-нибудь представлял себя под расстрельной статьей? В роли убийцы ты себя видел, Рома? Ты же истребишь этого несчастного латыша! Рома, давай-ка сотри из своих мозгов эту гнусную идею. Так же как вчера стер убитую муху со лба этого упыря, – кивнул Андрей в сторону бюста. – Приедет с деньгами, а мы скажем, что перепутали сегодняшний день с первым апреля.

– Андрюша, прекращай. Рыбы такие же люди, как и мы. Только с жабрами и чешуей. Еще они говорить не могут и лучше плавают. Гвидо не умрет. Максимум – превратится в Ихтиандра. Его внешности очень подойдут плавники и жабры. Выпустим парня в Рижский залив. Будем ездить в Юрмалу и подкармливать наряду с чайками и воронами.

– Но ты же помнишь, что сказал нам дедок в институте! Он сказал, что лосось нерестится один раз в жизни. Тело принимает уродливые формы. Рыба исходит пятнами и чуть ли не живьем разлагается. А потом она в тяжелых муках отдает душу Нептуну.

– Кому она душу отдает?! Нептуну?! Андрюш, сходи в буфет. Сходи и опохмелись... Какая связь между нерестом лосося и Гвидо? И потом, с гонадотропином или без него, но лосось все равно умирает после первого и последнего нереста. Но если посмотреть с другого ракурса... Гвидо, несомненно, «лосось». Жирный, доверчивый «лосось», втянутый в серьезный научный эксперимент. Можно сказать, человек, добровольно отдающий себя жерновом современной науки. И этот финансовый нерест ни в коем случае не должен стать для него последним.

– Рома, ты моральный урод! И славно, что ты после школы не пошел в медицинский.

Шнапсте появился в редакции через час. За это время Хузин успел сбегать в медпункт и спросить у медсестры Оли, сколько кубиков умещается в пробирку. Вспомнив грубое соитие с нетрезвым Романом, та ответила, что кубиков в пробирке больше, чем у Хузина любви и уважения к женщинам. Потеплев, назвала цифру. Рома в уме поделил жидкость на четыре недели.

– Гвидо, вы нравитесь нам еще больше. Наверняка в ресторации вами гордятся так же, как фирменными котлетами с грибами!

– Спасибо, Роман. Жарица на улице невероятная. После вас сразу на пляж мотану. Обмою удачу холодным пивком со сметками.

– На пляж, Гвидо, – по результату.

Оглянувшись по сторонам, Шнапсте протянул деньги. Обычные повадки валютчика – для многих официантов это было второй профессией.

– Касательно пива. Боюсь, про пиво придется на месяцок забыть. Как и про все горячительные напитки. – Рома протянул Шнапсте пробирку и ловко определил купюры в брючный карман. – Теперь краткий инструктаж по применению снадобья. Колотья нужно два раза в неделю. Но ни в коем случае не чаще. Спешка может навредить. Главное – терпение и выдержка.

– Могут быть осложнения? – поинтересовался Гвидо.

– Осложнения вряд ли будут, но желаемый результат может оказаться под угрозой. Вместо прироста в пять – семь сантиметров вытянется на три с хвостиком. Максимум на четыре.

– Тоже неплохо, – улыбнулся Гвидо.

– Гвидо, расти так расти. Слушаем дальше. Инъекции делаем строго по понедельникам и пятницам. Запомнить легко. Два дня на букву «п». В день укола неукоснительно соблюдаем строгую овощную диету. Это морковь, картошка, лук и три дольки чеснока. И обязательно! Я

подчеркиваю – обязательно – полкочана мелко нашинкованной свежей капусты, заправленной подсолнечным маслом. Без соли. Просто капуста и масло.

– У меня аллергия на чеснок, Роман. И я не люблю капусту. А тем более сырую.

– Значит, придется забыть слово «аллергия». Из жидкости только минеральная вода и чай. Ни в коем случае ни капли спиртного на протяжении всего курса. Минералка, чай, можно рыбий жир. Половые контакты исключены! Неудобно говорить, но... но онанизм тоже оставим на потом.

– Я этим не грешу.

– Все мы так думаем.

– А я нет. Говорят, что жизнь сокращает.

– Продолжим. Каждый день специальная гимнастика. Раздевшись догола, вытягиваете руки по швам, подбородок вверх, плечи расправлены. И начинаете прыгать, – Рома несколько раз оторвался от пола. – Пятьдесят прыжков за один подход. Отталкиваетесь носочками ступней. Подходов должно быть два.

Шнапсте старательно записывал.

– Из физических упражнений только прыжки? Просто друг говорил, что в статье было про гимнастику.

– Гвидо, будьте терпеливым. Не гимнастика, а работа на растяжку. – Хузин вошел в раж. Марьин, кашлянув, подошел к открытому окну.

– Я на шпагат садиться не умею.

– И не надо. Купите в аптеке жгут. Отрежьте кусок длиной в 40–50 сантиметров. Один конец привязываем к дверной ручке...

– Ой! Я так один раз зуб в детстве рвал. Только не жгутом, а ниткой.

– Пенис не зуб. И рвать его не надо. Второй конец укрепляем на эрегированном члене. Стараемся не пережать. И начинаем упражнения. – Рома начал медленно двигаться. – Отходим назад до полного натяжения жгута и возвращаемся в исходное положение. Четыре раза в неделю по тридцать подходов. Желательно в вечернее время.

– Болеть не будет?

– Первую неделю будет ныть. Потом неприятные ощущения исчезнут.

– Целая наука прямо.

– А как вы думали! И маленькая просьба... Я говорил, что препарат – вещь дефицитная. Так вот. Желательно делать уколы самому. У вас же есть знакомые из мира медицины? Они подскажут, как втыкать шприц правильно. А то сами знаете, Гвидо. Лишняя огласка ни вам не нужна, ни нам.

– У меня вопрос. Колоть «Барадализон-7» прямо в орган?

– Орган – субстанция, созданная не для боли, а для наслаждений. Если им правильно пользоваться. Член вообще можно сравнить с эпикурейцем. Он напрягается только в минуты, когда хочет получить наслаждение. А колоть, Гвидо, нужно в то место, которое создано для поиска приключений. В жопу, Гвидо, в жопу! И ровно через месяц мы ждем товарища Шнапсте с горящими от радости и счастья глазами и бутылкой армянского коньяка, которую мы вместе и приговорим!

Крепкие рукопожатия, слова благодарности. Марьин кисло улыбнулся.

Через время к утреннему туалету официанта Гвидо Шнапсте добавился новый ритуал. Стоя под струями душа, он предавался эротическим фантазиям. Орган достигал состояния готовности и сливался с приготовленным портняжным метром. В сердце официанта проснулся азарт. Чувство, доселе неведомое и казавшееся опасным. Гвидо стал похож на цветовода, ежедневно проверяющего молодые побеги. Соседи, обитающие этажом ниже, терпеливо наблюдали за колебаниями люстры во время гимнастических прыжков.

Когда счастливый покупатель скрылся за дверью, Андрей взвыл:

– Рома, ты что натворил, бл...дь?! Ты превратил официанта в подопытного кролика-гимнаста! Мало того что он должен колоть себе эту херню, которая выйдет ему непонятно каким боком! Так еще заставил человека поглощать по полтора кочана капусты в неделю и жрать ненавистный ему чеснок. Он же, бл...дь, не кролик, Рома, и не кузнечик. А ты видел его физию после того, как сказал про капли спиртного и половые контакты? Ни пить, ни трахаться и даже не дрончить!!! Он же не монах!

– Ну, про монахов ты слишком хорошо думаешь. А придуманный экспромтом режим ему же на пользу. Наберет форму, станет здоровее. Сейчас он бледен. Он устал от работы, водки, случайных половых контактов. Посидит на режиме, улучшит общий экстерьер. Печень ему только спасибо скажет. У него ведь лицо нездоровое. Желтизной чуток отдает. Может, у него вообще гепатит, а инъекции его излечат.

– Ясно... Ты уже веришь самому себе, Рома. И к сожалению, это вошло у тебя в практику.

К вечеру половина статьи о самоотверженности нерестящихся лососей была готова. Продажу эликсира отмечали в «Луне». Пригласили лучшего друга Малютку Джоки. Эту кличку носил инструктор одного из отделов ЦК ВЛКСМ Йозеф Колодяжный. Себя он называл не иначе как «маленький поляк с большим будущим». Йозеф свободно говорил на трех иностранных языках. Великолепно владел искусством обольщения женщин. В его кровати оказывались дамы, внешность которых не могла не восхищать. Последнее многих удивляло. Даже самих женщин. Йозеф был среднего роста, неуклюж и полноват, в его бородке всегда застревают остатки съестного. Но Малютка Джоки умел притягивать внимание. Он блестяще рассказывал пошлые анекдоты, был начитан, разбирался в музыке. Гордился знакомством с Ясиром Арафатом и Барбарой Брыльской.

Посетители «Луны» относились к классике центровых заведений города: нервные валютчики, мотовитые волки заграничавания, вальяжные проститутки, наглые фарцовщики и высокомерные работники торговли. В перерывах между соревнованиями заходили подраться развеселые боксеры и вечно суровые хоккеисты. Кухне «Луны» и работе ансамбля могли позавидовать даже столичные заведения. Рома заказал «Старинные часы» и «Феличита». Попросил солиста причесать бакенбарды и спеть ближе к оригиналу. Резким кивком головы пригласил на танец блондинистую пышку. Женщина представилась Ларисой из антикварного. Когда «Старинные часы» играли по третьему разу, Хузин шептал ей на ухо скабрзности: «Не-е-ет... Это не грудь и не жопа. Это кружева плоти. Это макраме желания и страсти. А это звучит гимн нашей любви, Лара. Старинные часы – свидетели и судьбы... Свидетели нашей судьбы, Лара». Антикварщицу такое обращение не коробило. Ей нравились грубые и решительные атлеты. Хузин целовал пальцы женщины. Сильно оцарапал язык об один из массивных перстней. Рассказал, что по отцу он татарин, любит горячих наездниц в теле и позицию «ноги на плечи».

Малютка Джоки встретил Михаила Дмитриевича, бывшего директора пионерского лагеря «Дружба». В студенческие годы Йозеф трудился там педагогом отряда, устраивал по ночам в дюнах оргии с кострами и молоденькими пионервожатыми. Мстил системе в лице похотливых активисток. Подопечных называл «двуногие сперматозоиды в галстуках». На Йозефа пожаловалась энергичная комсомолка, страдающая косоглазием. Карьера грозила уйти в глубокую трещину, но Колодяжный придумал гениальный план. В отряде отдыхал пастозный мальчик Юра, страдающий эпилептическими приступами. Его одновременно жалели и побаивались. Сценарий Йозефа был прост. Во время купания ребенку становится плохо. Мальчик начинает тонуть на глазах у сотен пляжников. И тут на помощь приходит оказавшийся неподалеку смелый педагог. Реализовать задумку решили между третьей и четвертой мелью. Воды там чуть выше колена. Юра резко упал, но крикнуть о помощи не успел. От волнения перед

первой в жизни ролью у него случился настоящий эпилептический приступ. Йозеф подospel вовремя. С лицом плакатного сталевара, он поспешил на помощь утопающему юнцу. Мальчика откачали, купили ему эскимо и отправили домой. От греха и от воды подальше. Пожимая Колодяжному руки, абсолютно незнакомые люди говорили, что впервые видят настоящего героя. Йозеф получил медаль «За спасение на водах», грамоту и часы «Победа». И вот сейчас в «Луне» он покаялся директору пионерлагеря, что все было спланировано, и поднял тост за комсомол, мальчика Юру и надежду, что тот еще жив.

Невменяемый Марьин приставал с вопросами к официантам. Интересовался длиной дугообразной принадлежности. Не праздно – для статистики. Двое Рому послали, третий обещал позвать вышибалу. Четвертый оказался более общительным и, подмигнув, с улыбкой пригласил Марьина в туалет. Того это чуток отрезвило.

Утро следующего дня началось в кафе Дома печати. Бармены заведения давно пребывали в уверенности, что слова «журналист» и «алкоголик» являются синонимами. Они восхищались стойкостью ливера бесценно поддающих и удивлялись, как ребята попадают по клавишам печатных машинок трясущимися пальцами.

После соточка Андрей потеплел:

– Хорошо вчера погудели, Ромка. А как новый роман? Как прошла ночь с бобрихой?

– Вспомню – расскажу. И не об этом сейчас думать надо, а о гонадотропине.

– Да... Со Шнапсте можем влипнуть, серьезнее не бывает, Ром. Чует мое сердце – помрет малопенистый. Или помрет, или станет инвалидом.

– При чем тут Шнапсте? Я про настоящих лососей. Статью нужно писать. И с чего это можно влипнуть? Ну придет, допустим, Гвидо с претензией. Скажем, что не соблюдал режим и этим перечеркнул возможность стать половым гигантом. В ментовку он побежит вряд ли. Через несколько часов весь город будет знать, что у Гвидо отросток размером с мелок для рисования, и он хотел его увеличить при помощи гормонального препарата. А кому такой позор нужен? Да и сам Гвидо наверняка валютой приторговывает. Видел, как он озирался по сторонам, когда деньги передавал? В кабинете три человека, а он озирается. Инстинкт. И вряд ли Шнапсте захочет, чтобы его взяли за исколотую жопу.

– Рома, меня поражает твое умение знать все за других. Материал был дописан после третьего захода в буфет.

Присутствовали рыболовецкая героика, описание мученической смерти лосося после нереста и обещания в скором времени накормить всю страну красной рыбой. Но большая часть материала посвящалась именно гонадотропину, за инъекцией которого сознательные самки лосося выстраивались чуть ли не в очередь. К главному отправился Марьин. За выхлопы перегара Андрей не переживал – к обеду кровь самого Виктора Матвейча бурлила от промилле. Не употреблял он только во время визитов различных делегаций, о которых предупреждали заблаговременно. Бегло пробежав глазами текст, Матвейч подвел резюме:

– За статью могу только похвалить. Но скорость ее написания оставляет желать лучшего. Хорошее открытие, для народа нужное. Правильно отметили, что, если внедрение новшества пойдет по плану, скоро лосось перестанет быть дефицитом.

– Может быть, может быть, Виктор Матвейч. Но мне вовсе и не кажется, что лосось является дефицитным продуктом.

– Это почему же?

– На мой взгляд, эта рыба не относится к продуктам первой необходимости. Как и колбаса, паюсная икра, шоколадные конфеты и многое другое. Я имею в виду, для широких народных масс. А вот для руководящих товарищей лосось просто необходим. Ведь потребление этой рыбы положительно влияет на работу головного мозга, который у лидеров партии пашет по 28 часов в сутки. А мы вполне можем обойтись килькой и рыбными тефтелями в томате.

– Марьин... если ты продолжишь при каждой нашей встрече хаять систему, я могу и на выговор сподобиться. Вы последнее время с шуточками перебираете. Что ты, что друг твой непутевый.

В этот же день статью отправили на согласование в вышестоящие инстанции. Такие материалы были под строгим контролем. Ответ пришел в понедельник.

...Виктор Матвейч выхаживал по кабинету, глубоко затягиваясь сигаретой. Главный был невысоким, лысоватым человеком в очках с толстой роговой оправой. Левую руку он постоянно держал в кармане. Правой любил чесать заушину.

– Увы, коллеги. Не все так гладко в нашем пишущем королевстве. Статью приказали не ставить. Причем в категоричной форме приказали. Похвалили за слог, за подачу материала, идейность и метафоричность. Особенно понравилась вот эта строка: «Самка лосося напоминает любящую мать, которая готова во благо своих детей на любые жертвы. Пожалуй, это единственное живое существо, идущее на смерть ради будущего потомства».

– Можно сказать, что с себя писали, Матвейч.

– Рома, перестань. Перестань испытывать мое терпение. Касательно статьи. Обидно... очень и очень обидно. Вы старались, да и мне ваш подход понравился. Но перечить верхам я не могу. Они рассуждают здраво и мудро.

– Если мудро, то почему зарезали хорошую байку? – возмутился Марьин.

– Зарезали потому, что Запад не дремлет и продолжает плести свои сети. Они ведь все наши газеты читают. От «Скотовода Бурятии» до «Гудка» и «Советского спорта». У них там целые отделы сидят из предателей нашей Родины. Из подлых ренегатов, поставивших во главу угла дутые моральные и материальные ценности Запада. Вычитывают наши статьи, а потом бессовестно воруют идеи. Хочу подчеркнуть, светлые идеи.

– Особенно это воровство по их автомобилям, шмотью и аппаратуре хорошо прослеживается, – вставил Марьин.

– Ты вот что, Андрей. Ты сам знаешь, что говоришь откровенные глупости. На автомобиле в космос не полетишь. На кассетнике пятилетку не прокрутишь. О поклонении их популярным шмоткам я и говорить не желаю. Пример могу привести. Знакомый купил плавки. Купил с рук у какого-то спекулянта.

– Хорошие у вас знакомые, – вставил Рома.

– Попрошу не перебивать, Хузин. Если я по твоим знакомым пройду, сам, наверное, краской изойду. Так вот. Купил он плавки. Цветастые, с американским флагом. В пластиковой коробочке, расписанной заморскими вензелями. Стоили они как хороший костюм.

– В хороших костюмах у нас ходят только завмаги и члены Политбюро, Виктор Матвейч, – перебил Хузин. – Хороший костюм – это импорт или индпошив.

– Хузин, кажется, я упоминал про терпение. Так вот. Поехал мой товарищ в Юрмалу, искупнулся. Выходит на берег, а весь пляж на него смотрит, гогочет и чуть ли не пальцами

тычет. Потому как никакого звездно-полосатого флага уже нет, а есть прозрачный материал и женская ручка, прикрывающая его гениталию, произрастающую из густой рыжей мочалки.

– А потом плавки высохли, и флаг снова появился, – продолжил Марьин. – Виктор Матвейч, я эту историю уже раз пять слышал. Как и про китайский ковер.

– Значит, к нам завезли целую партию таких плавков, чтобы поиздеваться над народом. А что случилось с ковром из Поднебесной, Андрей?

– История немного поужаснее, чем с плавками. Семья купила дорогой китайский ковер и постелила его в гостиной. Хорошо, не на стенку повесили. Семья, нужно сказать, большая. Ночью бабушке приспичило избавиться от закипающей в изношенном пузыре урины.

– Можно без натуралистических подробностей?

– Можно. Дорога в туалет лежала через гостиную. Зашла в нее бабушка, помянула Господа в крике последнем и отбросила тапки. Потому как посередине комнаты стоял светящийся гроб с товарищем Мао Цзэдуном.

– Это тебе мертвая бабушка рассказала?

– Нет, оставшиеся в живых обитатели квартиры. И не мне. В городе об этом судачат. Оказывается, в ковре были фосфоресцирующие нити, которые в полной темноте начинали светиться, проецируя объемное изображение лежащего в гробу великого кормчего. И лежали они рядом. Фосфорный Мао и вполне себе реальная, но уже мертвая бабуленция с остывающей уриной в мочевом пузыре. Поэтому лучше плавки с женской ручкой, Виктор Матвейч, чем продукция наших китайских товарищей, от которой любого нормального человека может кондратий хватить.

– Больше похоже на детскую сказку-страшилку. Но мы отвлеклись. Я еще раз повторю: хватит забивать себе головы вещизмом. Другой бы вас давно уволил, а я продолжаю терпеть все ваши выкрутасы. Только выговорами пугаю.

– Виктор Матвейч, вот вы говорите про поклонение западному шмотью, а сами в туфлях производства ФРГ, – начал борьбу за правду Хузин. – И часы у вас мейд ин джапан.

– Рома, у меня проблемы с ногами – ревматизм. Поэтому я ношу туфли производства ФРГ. А часы мне подарил мой чехословацкий друг.

– Карел Готт?

– Ага... Карел Готт. Это все от того, Хузин, что твой кругозор не расширяется, а сужается. От водки сужается. Кроме Карела Готта ты никого из чехословаков не знаешь?

– Знаю. Иржи Холечека, Петера Штясны. Маркету Беднарову еще знаю.

– И кто же такая Маркета Беднарова?

– Красивая девушка. Ураган, можно сказать. У меня с ней половой контакт был на ночном пляже Анапы. В рамках обмена опытом между молодежью стран социалистического блока.

– Да, Хузин... Не приведи Господь, ты из редакции вылетишь. Тяжело тебе в жизни будет. Либо сопьешься, либо сядешь.

– Звучит как пожелание.

Врать самому себе у Матвейча получалось хорошо. Даже лучше, чем врать окружающим. Этим качеством главный редактор комсомольского рупора обладать был просто обязан. Обманывая себя, Матвейч не краснел. Главный осознавал, что народ больше беспокоит наличие колбасы на прилавке, нежели полеты «Союзов» и рокот комбайнов. Как выполняются пятилетки, он видел. Частично разочароваться в идеях и жизни Матвейча заставили посещения земель, находящихся по другую сторону государственной границы. Оказавшись в Белграде, главред почувствовал, как медленно приподнимаются его веки. Прогулка по весеннему Стокгольму сделала глаза удивленными и широкими. На Нью-Йорк он смотрел взглядом человека, страдающего базедовой болезнью. Кто-то из московских коллег заметил: «Виктор Матвейч стал похож на Крупскую. И глаза, и выражение лица такие же. Только лысый».

– Ладно, жизнь на зарезанной байке, вашем хамстве и желании казаться умнее окружающих не заканчивается. Я подумаю над новым заданием, – продолжил главный. – Да и сами могли бы инициативу проявить. Ваши заметки ни о чем уже просто комом в горле встали. Я заметил – как у вас шахматы и карты отобрали, вы вообще обленились с Марьиным. А лень ведет к деградации, о которой я уже говорил. Лень к ней ведет и декалитры спиртного, с потреблением которых идет борьба на государственном уровне. Соберитесь в конце концов, удивите читателя свежим, интересным материалом.

– Есть очень хорошая тема, Виктор Матвеевич. У моего знакомого саксофониста имеется огромная коллекция чертей, – предложил Хузин.

– Коллекция чертей? Он что, саксофонист-сатанист? Каких чертей, Рома?! – взревел редактор.

– А самых разных, Виктор Матвеевич. Керамических, деревянных, пластмассовых. С вилами, в обнимку с котлами, с грешницами. У одного даже член стоит и достает до подбородка. Но это норвежский черт, не местный. Очень знатная у него коллекция. А потом... В любом сувенирном продаются керамические черти. У меня дома даже пепельница с рогатым имеется. Да любую латышскую народную сказку откройте! Четыре главных персонажа: барин, черт, батрак и ведьма. Живая модель капиталистического общества. Но фигурки угнетателя, раба и представительницы нечистой силы не клепают. Потому как баре, ведьмы и батраки были и будут всегда. А черт – персонал скорее вымышленная.

– Рома, скажи мне, что можно написать про чертей?! Что у них есть копыта и хвост, а у одного хер достает до подбородка? Что они живут в аду, а какой-то алкоголик-саксофонист сделал их предметом культа? Лабух небось из кабака?

– Из ресторана «Рига», Виктор Матвеевич. В юности был дипломантом конкурса.

– А в зрелом возрасте стал алкашом. Никаких чертей, Хузин! – вновь перешел на крик Матвеевич, но быстро остыл. – У меня есть знакомый, который покупает модельки самолетов и вертолетов. В ГДР такие модели выпускают. Склеивает их, раскрашивает. Увлеченный, открытый человек, знающий цену времени. Мечтал стать авиатором, но не прошел медкомиссию. У него уже больше двухсот пятидесяти экспонатов. Настоящий домашний музей. Можно взять интервью, сопроводить материал фотографиями. Очень интересный человек, долгих лет ему.

– Ага, долгих... Он уже два месяца как помре, – поддержал беседу Марьин. – Антоном Соломатинным звали.

– Как помре? Какое горе-то, а как это произошло?

– Антона жена из «квартиры-музея» выперла. Выперла, когда жилище стало превращаться в мини-аэродром. Он же модельки даже к потолку умудрялся подвешивать, вот одна нитка и не выдержала, когда супруга квартиру пылесосила. От вибрации, наверное. Самолетик ей на голову спикировал и так ухо поранил, что она на слона стала похожа. И переехал Антон к Ирке Погребной. Ромка, ты же тоже с Иришкой с полгодика покувыркался, когда она после мордобоя от Сафар-заде сбежала.

– Марьин, без этих подробностей. О покойнике рассказываешь.

– А чего рассказывать? Два месяца назад Антон неожиданно воспарил над вертолетиками, воздушными змеями и самолетиками. Инфаркт его хватил. Так что не получится про увлеченного товарища, который был одержим небом и на него в конце концов и улетел.

– Какое горе! А я ни сном ни духом. Светлая память Антошеньке.

– С некрологами нужно почаще знакомиться, Виктор Матвеевич. В некоторых газетах это самый что ни на есть увлекательнейший раздел, – съязвил Рома.

Дверь с грохотом закрылась. Рома достал из столешницы колесико. Карты, нарды, шашки и шахматы из всех редакционных кабинетов изъяли, а щелкать ногтем большого пальца по спичечному коробку быстро надоело. Играли братья по загону строк исключительно на деньги;

главный при этом орал, что не позволит сделать из редакции игорный дом. И журналисты начали рубиться в «колесико», используя для этой цели большую шестеренку от будильника. Деталь раскручивали и засекали время по секундной стрелке. Выигрывал тот, у кого кругляш вертелся дольше. Если в процессе турнира появлялся товарищ из руководства, игрок делал стеклянные глаза, уставившись на вращающуюся шестеренку, и пояснял, что концентрируется для улучшения мозгового кровообращения.

Деньги, вырученные от продажи гормона, оседали в кассах ресторанов. Были и полезные траты. Марьян купил жене скороварку и разноцветные бигуди, а дочке подарил деревянную лошадку-качалку с безумными глазами и синей гривой. У девочки появились фингалы и царапины. Хузин приобрел одеколон «One Man Show» и килограмм дефицитного кофе «Арабика». Зое подарил набор косметики «Pura Kit» и французские чулки.

Гвидо делал инъекции, поглощал овощи, занимался прыжками и растяжкой. Последнее упражнение со стороны выглядело достаточно забавно. Шнапсте включал кассету с записями «АВВА», в соответствии с указаниями Ромы привязывал жгут и начинал медленно двигаться. В один из подходов резинка не выдержала нагрузки и лопнула. В результате по комнате носился голый официант, держась за покрасневший от удара живот.

Но ни линейка, ни портняжный метр изменений не показывали. Ягодицы наивного окрасились в цвет спелого баклажана. На вопросы любовницы Ирины, касающиеся столь неожиданных метаморфоз филейной части, отвечал, что колет полезные для организма витамины. Отказ от секса объяснял специальным режимом. Ирина сходила к венерологу. Врач ее не расстроил. И все же Шнапсте верил, что в финале курса произойдет неожиданный и столь желанный рывок.

По прошествии трех недель с момента продажи препарата Рома занервничал. Гвидо на связь не выходил. В газетных некрологах, которые Хузин ежедневно просматривал первым делом, фамилия Шнапсте не проскальзывала. Марьян обзвонил все рижские больницы, вплоть до психиатрической. Морги беспокоить не стал. Андрей жутко боялся покойников. Он даже на кладбище к бабушке не ходил.

– Может, у него хер все-таки вырос, а? Ты как думаешь, Андрюша? – предположил Рома.

– Угу. Вырос. Конечно, вырос! На лбу он у него вырос. Появится через неделю этот нарвал с членом во лбу, и даже не могу себе представить, чем для нас все это закончится. Если он жив, конечно.

– Да жив... Я ведь утро ознакомлением с некрологами начинаю. Шнапсте в списках ушедших не числится. А хорошие и умные люди мрут...

– Пока не числится. У меня такие варианты в голове прокручиваются, Рома... я теперь без водки просто заснуть не могу.

– А раньше ты на «Ессентуках» засыпал, да?!

– Раньше я спокойно засыпал. А сейчас даже после выпивона ворочаюсь по часу. Кошмары меня атакуют. Света сказала, что во сне я постоянно с кем-то разговариваю. И еще зову кошечку Лизу. Так и говорю во сне: «Кис-кис-кис, кошечка Лиза». А у меня в жизни котов не было. Вчера комар летал по комнате. В ушах стоял такой писк, будто меня пытаются ультразвуком.

– Как будто ты знаешь, как пытаются людей ультразвуком. Ты же слушаешь Анне Вески, а для меня это хуже любого ультразвука. И успокойся, бога ради, не истери. У меня созрел небольшой план, который несколько смягчит ситуацию. Правда, на время...

За оставшуюся до прихода Шнапсте неделю в редакции произошло ЧП. Заведующая отделом пропаганды Люда Семагина приобрела по благу румынский гарнитур. Обещали финский, но его за полторы штуки выкупил какой-то хлопкороб из Узбекистана. Отметить покупку

Люся решила в отделе спорта. Это было самое прокуренное помещение во всей редакции. Говорят, такой пьяной ее не видели даже супруг и любовник. Семагиной захотелось танцев и фейерверка. Бенгальских огней и хлопушек не нашли. Запалив подшивку газет, ответственный работник взобралась на стол. Отплясывала в дыму канкан под матерки и аплодисменты. Спортивные аналитики хлопали, восхищаясь розовыми трусиками и упругими ляжками. Кто-то заливал подшивку пивом. Наутро о дебоше пироманки доложили Матвейчу.

– Мало тебя, Люська, в детстве драли, сучку эдакую!!! – орал главный.

– Зато сейчас дерут – любая обзавидуется! – не выдержала Люся.

Рому с Андреем новость огорчила. Скорая огласка истории со Шнапсте могла вывести Матвейча окончательно, и в этом случае террора не избежать. В последнее время главреда все чаще можно было видеть трезвым. Это вызывало тревогу. Не употребляли в редакции всего несколько человек. Абик Цейтлин бросил прикладываться после гепатитных страданий, тут же удостоившись клички Подсолнух за черную шевелюру, худое лицо и желтую кожу. Василия Рощенко спугнул инфаркт. Не обширный, но достаточно внушительный. Красавца Роберта Зиле предупредила горкомовская теща. В Игоря Борейко и Наташу Ракину больше просто не лезло. Заместитель главного редактора Иосиф Шиндельман не хотел пойти стопами двоюродного брата – украинский родственник упился до белой горячки, а потом и до ЛТП, в котором клепал деревянную тару для подсолнечного масла.

Звонок от Шнапсте раздался ясным утром вторника. На лице снявшего трубку Марьиной появилась гримаса ужаса. Рома, сообразив, кто звонит, напрягся и закурил:

– И что же сказал несчастный халдей?

– Спросил, будем ли мы завтра. Резко так бросил: «Ждите, суки!»

– Суки... сам он сука. Тупая и доверчивая. А голос у него как? Голос в норме?

– Как у Левитана, бл...дь, в начале войны у него голос! Злобно-трагичный. Мы с тобой, Рома, как настоящие коммунисты. Придумываем проблемы, а затем стараемся их решить. И заметь, часто коммунисты придумывают неразрешимые проблемы.

– То есть не вырос у Гвидо причиндал, – задумчиво изрек Хузин. – Не рвет он трусы и молнии его «вранглеров». Не восхищает статью своей женой и любовниц... Ничего, Андрюша. Завтра врубаем план «Б».

– Может, расскажешь о плане «Б»?

Рома начал медленно излагать. В эти минуты он походил на опытного военного стратега. Андрей внимательно все выслушал и закричал, что не хочет в тюрьму. Оттуда он не увидит жены и катающейся на деревянной лошадке дочери. Провозглашал, что деньги в жизни не главное. Особенно не свои и безнадежно утраченные. Рома достал из шкафа теплую бутылку «Столичной» и рюмку. Дал закусить конфетой «Коровка». Андрей немного успокоился и погрузился в себя. Взяв лист бумаги и карандаш, занялся рисованием. Грудь, как всегда, удалась.

Прихода Шнапсте ждали, словно комиссию из ЦК ВЛКСМ. Ровно в одиннадцать Гвидо рванул дверь кабинета. Так выглядит боксер-неудачник, живущий мечтами о реваншах. Поэт, потерявший надежду на встречу с музой. Бывший алкоголик, отчаявшийся найти счастье в

новой жизни без водки. Красные глаза, неприятная одутловатость. На мятой рубашке поблескивало сальное пятно. Рома вскочил со стула:

– Гвидо! Ну наконец-то! Йохайды! Гвидо, мы вас просто обыскались!

– Ну, во-первых, здравствуйте, товарищ Хузин. А во-вторых, сразу же перейдем к делу.

– Конечно же. Давайте сразу к делу.

– Обштопали, как пацана! Как последнего идиота, развели на мякине! Выудили преступным образом пятьсот кровно заработанных рублей! И где ваши драгоценные сантиметры, которым должна обрадоваться даже бездушная линейка?! Где мифический результат?! Думаете, все это сойдет с ваших нечистых рук? Не-е-ет. Не на того вы нарвались, товарищи писаки. Ваша карьера будет такой же короткой, как мой пенис. И мне уже не стыдно говорить об этом вслух.

– Гвидо, давайте для начала вы успокойтесь. А затем я вам все объясню. Мы вас действительно обыскались, Гвидо. Вы ни телефона не оставили, ни адреса.

Рома уверенно входил в образ.

– А что, в Риге не работает справочная телефонных абонентов?

– А вы думаете, мы не звонили? Ответ был один и тот же: «Абонент Гвидо Шнапсе не найден». Мы даже товарищей из руководящего звена подключили. И все поиски оказались тщетны.

– Вообще-то, Шнапсте моя фамилия, а не Шнапсе.

Рома схватился за голову. Издал стон, которому можно было верить. Пальцы впились в густые волосы, а зубы вонзились в нижнюю губу.

– Какие же мы идиоты! Андрей, ты слышал? Я же тебе говорил, мудень, Шнапсте, а не Шнапсе! Как мы могли не запомнить столь редкую фамилию, да еще ассоциирующуюся с древним и многими любимым напитком? Мы полные идиоты, Гвидо... Но сейчас как Эверест с плеч. Как, бл...дь, Джомолунгма с шеи!

– Да хоть Эльбрус с ваших нерадивых плеч! Я не знаю, как вы, но мне кажется, что за идиота вы держите меня. Давно, давно я так не разочаровывался в людях. В некогда мною уважаемых, хочу добавить, людях. Пример для молодежи, властители дум... Хера там! Ну ничего. Годы, проведенные в каталажке, пойдут вам только на пользу.

– Гвидо, – вступил Марьин, – не нужно думать о нас так плохо. Повесить ярлык легче всего. А вот снять... я бы даже сказал, отодрать его очень трудно. Сейчас мы с Романом все объясним.

– Хотелось бы, – Гвидо чуточку подуспокоился. Рома поднес гостю стул, свежий номер газеты и бутылку «Боржоми».

– Уважаемый, дорогой Гвидо. Давайте по порядку. Вы соблюдали режим и диету, о которых мы договаривались? Только честно. Как на духу говорите, Гвидо.

– Неукоснительно соблюдал, товарищи журналисты. Целиком и полностью соблюдал. Не имел половых контактов с женщинами, не занимался онанизмом, – начал загибать пальцы Гвидо. – Даже не пил в эту несусветную жарыщу холодное пиво. И конечно же, хрумкал капусту, которую теперь возненавидел даже в голубцах и борще. Блевал от чеснока. Все четыреста прописанных прыжков гольшом тоже сделаны. Жалобы от соседей получены. И уколы я вонзал в жопу по графику. Но нет! Нет этих сантиметров!!! – вскричал Шнапсте.

– А упражнения на растяжку?

– Все тысяча двести подходов к двери и обратно мною выполнены.

– То есть ни на миллиметр ваш верный друг не подтянулся?

– Нет. Ни на микрон мой верный друг не подтянулся.

– Гвидо, а знаете, как выглядит самое большое зло на этой земле?

– Пока что самое большое зло на земле – это ваша парочка. Во всяком случае, для меня.

– Я о другом зле, Гвидо. Нет, это далеко не мы. Это не капиталистическая гидра, не падшие женщины и не деньги. Это не воры, окончательно потерявшие стыд. Самое большое

зло выглядит по-другому. Это коварный прозрачный напиток, способный нами управлять. И имя ему водка! – патетически воскликнул Хузин.

– Вы хотите сказать, что я алкаш?

– Ну как вы могли такое вообще подумать? Я о пьянице. О моем друге враче, который продал мне «Барадализон-7», будучи нетрезвым. А потом позвонил и сказал, что извиняется. Что курс состоит из двух препаратов, а не из одного. Ведь мы с Андреем кололи вариант под кодом три. А семерка требует дополнения.

– Я так и знал! Еще пятьсот рублей за очередную стекляшку, но теперь с жидкостью цвета медного купороса? Еще четыреста или уже восемьсот прыжков гольшом и пожирание чеснока и капусты, заправленной подсолнечным маслом? Или, может, мне давиться свеклой с маргарином? А может, репкой с майонезом или морковью с уксусом? А к херу подвесить трехкилограммовую гантелю и ходить с ней по городу?

– Ну зачем вы так?.. Препарат тримеодезин стоит дешевле, тримеодезин дает мощный эффект мышечной телескопии. Попросту – увеличения объема мышечной массы.

Шнапсте не относился к подвиду наивных дурачков. Скорее наоборот. Но все изменила встреча с Ромой и Андреем. Гвидо попал в категорию людей, исполненных надежды. Чаше других надеются верующие, бездельники, хворые и заключенные. Гвидо серьезно захворал. Он стал патологически зависим. А еще его сильно тревожила возможная потеря пяти сотенных. Приступы жадности Шнапсте переносил тяжелее ангины. Но он все равно верил. Верил, что совсем скоро ему будет не стыдно заниматься сексом при включенном свете. Он хотел удивить свою возлюбленную сюрпризом. И он все больше напоминал тяжелобольного человека.

– Хорошо, Роман. Допустим, я вам и на сей раз поверю. Потому как не совсем разочаровался в жизни. Но если не поможет и второй препарат?

– Исключено, Гвидо. Первое. Мы не станем выставлять себя в роли негодяев, подлецов и обманщиков. Второе. Мы действительно дорожим своей карьерой и не хотим отправиться в места не столь отдаленные. И наконец третье. Вы нам симпатичны как человек, и мы уже испытываем перед вами огромное чувство вины. Я говорю это искренне, Гвидо.

– Хузин, ваше счастье, если вы не пытаетесь сейчас меня в очередной раз обмануть и говорите правду. Сколько стоит дополнение к уже пройденному курсу?

– «Тримеодезин» идет в ампулах. Одна такая ампула стоит двадцать рублей. Из-за накладки мы решили свой интерес в стоимость не включать. То есть сто шестьдесят рублей за

восемь ампул. Честно? Так бы зарядили двести. Колоть нужно два раза в неделю с перерывом в два дня.

– А диета?

– Диета уже не понадобится. Но спиртное, половые контакты и онанизм до сих пор под строжайшим запретом.

– Хорошо. Я вам поверю. Вернее, постараюсь. Но если и на этот раз мне придется истыкать задницу иглой впустую, то вы даже себе представить не можете, какие у вас будут неприятности. По всем линиям и фронтам. И вы перестанете быть «саперами газетных полос». Вы подорветесь за их пределами. И так подорветесь, что вас воедино уже не соберут.

Ампулы лежали в шкафу Хузина, но, чтобы придать сделке значимость, он попросил Гвидо заехать на следующий день. Продукт, мол, ценный, требует заказа. В среду Шнапсте выходил из редакции с новой покупкой. В продолговатых стекляшках перекачивалась обыкновенная глюкоза.

Вторая часть аферы была торжественно отмечена в ресторане «Сигулда» и закончилась скандалом. Роме показалось, что заказанная солянка готовится чересчур долго. Когда тарелка с горячим супом оказалась на столе, Хузин, ловя удивленные взгляды Андрея, высыпал в жидкость все содержимое солонки и перечницы. Медленно перемешав суп, незаметным движением выдернул из головы пару волосинок и зычным голосом подозвал официанта.

– Скажите, а у вас вкусная солянка, молодой человек? – В голосе звучала издевка.

– Говорят, что одна из самых вкусных в городе. Вот сейчас попробуете и самолично в этом убедитесь, – улыбнулся коллега Шнапсте.

– Скажите, а волосами ее повар сдабривает, или это вы натрясли по дороге к столику? Или, бл...дь, тебя жена супами с волосней дома кормит? – заорал Рома.

Увидев плавающие на поверхности волосы, официант покраснел:

– Бога ради простите, товарищ! Бога ради... Сейчас же заменю и вычеркну из счета. Мои самые искренние извинения.

Через несколько минут из угла зала послышался громкий, хриплый кашель попеременно с матерными тирадами. Сидящий у окошка багровый толстяк задыхался, отхаркивая в белоснежную занавеску. В подоспевшего с желанием помочь гарсона тут же была запущена небольшая салатница с остатками оливье. Перепачканный официант подскочил к Хузину и злобно процедил:

– Я тебе это так не оставлю, сученьш.

На пропитывающий рубашку майонез пролился стакан яблочного сока. Все закончилось появлением вышибалы, быстрым расчетом и предупреждением больше в «Сигулде» не появляться. Когда друзья шли по Меркеля, Рома пытался оправдываться:

– Знаю, Андрюша, знаю, как тебе трудно понять мое поведение. Но я стал халдеененавистником. Я не люблю их так же, как комитетчики не любят ментов, проститутки – перебивающих им кассу шалав, старшекласницы – проверки на гинекологическом кресле, а диссиденты – палаты психиатрических клиник.

– Рома, ты скоро и себя, и меня до психиатрической клиники доведешь. Ты стал заложником своего же идиотского проступка. Пришел активный, но не вполне нормальный Гвидо с маленьким членом и смешным предложением. Мало таких полоумных к нам заявляются? Но тебе ведь нужен был детектив, приключение. И вообще, тебе давно пора жениться.

– На ком и зачем?

– На Зое. Станешь посерьезнее. Ведь не вечно вам быть объектом для сплетен и обсуждений.

– Если мы надумаем пожениться, то сплетен и обсуждений будет много больше. И вообще, сейчас меня волнует только один вопрос. А именно, сможет ли полноценный член

нашего общества, Гвидо Шнапсте, смириться с мыслью, что его неполноценный член больше не вырастет?

– Не сможет он смириться, Рома. И хер у него не вырастет. А мы можем сесть. Смотри, месяц молодой на небе, Ром. Нужно денежку показать, – Марьин вытянул перед собой ладонь с двумя купюрами.

– Надо Гвидо звякнуть. Может, юный месяц не только денежки увеличивает...

Треугольник стала объединять надежда. Только, в отличие от Шнапсте, Андрей с Ромой чувствовали еще и угрозу. Марьину, человеку семейному, о разлуке с любимыми думать не хотелось. У одинокого Хузина имелись планы на будущее в отношении Зои. Возможный скандал делает журналистику очередным жизненным этапом для обоих. Исключение из комсомола – прямая дорога к физическому труду, к которому оба абсолютно не приспособлены. Особенно ярко это демонстрировали общередакционные выезды на помощь вечно сигнализирующим SOS колхозам и совхозам. Во время таких рейдов пожизненно сознательные начинали употреблять ближе к вечеру. Менее ответственные откупоривали в обед. Марьин с Хузиным успевали выпить по дороге в хозяйство. В одну из таких поездок Матвейч решил тандем проучить.

Полевые работы были закончены. Загорелые, уставшие журналисты с пластмассовыми ведрами медленно брели к автобусу. Неподалеку, под стеной коровника, распластались Андрей с Ромой. Улыбаясь проплывающим облакам, посапывал Хузин. Уткнувшись лицом в пахучую траву, храпел пьяный Андрей. Несмотря на адресованные Матвейчу уговоры коллег, автобус взял курс на Ригу без двух пассажиров. Проснувшиеся друзья не впали в тоску и отчаяние. Три километра шли они до сельпо по солнцепеку и рытвинам проселка. Шелестели матом сухие губы, трепетали на ветру взлохмаченные волосы. Завидев магазин, скитальцы обнялись, как бойцы, вырвавшиеся из вражеского окружения. Как два путника, завидевших в пустыне спасительный арык. Продавщица хорошо знала в лицо всех местных пьяниц. Городские были симпатичнее, и она им приветливо улыбнулась. В авоське зазвенели три бутылки водки и пузатый баллон яблочного сока. Неподалеку дремал голубой «зиллок» с золотистой бахромой и фотографией Клавдии Шульженко под лобовым стеклом. Вскоре появился мускулистый водитель. К пузырю сорокаградусной попросил добавить три бутылки пива. Полтора часа в кабине грузовика пролетели стремительно.

Чтобы как-то отвлечься от грядущих проблем, Рома с Андреем полностью ушли в писанину. Хузин сделал интересный материал о стекольной фабрике. От мастера цеха получил в подарок смешного гномика, которого тут же передал Зое в знак примирения. Андрей после серии заметок о рационализаторах писал большую статью про экскаваторщика Милютина. За время работы виртуоз ковша три раза наткнулся на снаряды, оставшиеся со времен Второй мировой. Андрею нравился пафосный заголовок «Четырежды рожденный». Процесс написания он комментировал:

– Ромка, нам с этого Леша Милютина пример надо брать. Три раза ковшем снаряды цеплял, представляешь?

– Да, три раза ковшем снаряды – это не три раза концом триппер зацепить.

– Вот баран... Все у тебя в одну степь, Ром. В пошлость несусветную. Я к тому, что он не запил, работу другую искать не начал.

– И правильно, что не начал. Пока везет, пусть цепляет снаряды и мины. А про триппер... Тоже случай из жизни. Витя Мамыкин пять раз его цеплял. И не спился, и работу не меняет.

– Нашел кого вспомнить. Откуда у него время, чтобы спиться, если он на антибиотиках постоянно сидит?

Беседу прервало появление Виктора Матвеевича. Шеф пребывал в благом расположении духа и, что удивительно, был чуточку навеселе.

– Ну, чем заняты главные шалопаи редакции?

– Пишу статью про экскаваторщика Алексея Милютина, Виктор Матвеевич.

– Это хорошо, Андрюша. А чем отличился Алексей Милютин?

– Три раза его ковш натыкался на снаряды.

– Это очень хорошо. Не то, что ковш натыкался, а что Леша Милютин жив и здоров – хорошо. Обязательно добавь, что снаряды были немецкими. Это придаст материалу идеологическую окраску. А мы завтра с супругой на Софию Ротару идем. Как поет, а... «Червону руту» на прошлом концерте весь зал тянул стоя. Рома, а тебе нравится София Ротару?

– Как женщина.

– А как певица?

– Я немного другую музыку слушаю, Виктор Матвеевич.

– Западную, да? Бонни-эммы и Аббы?

– Хуже. Вы таких названий и не слышали.

– Например?

– Блэк Саббат, Джудас Прист.

– Сионисты?

– Нет, рокеры.

– А почему «джудас»?

– У католиков так исповедальное окошко зовется.

– Вот не мешало бы тебя головой твоей дурьей в это окошко пихнуть. Андрюш, а тебе Ротару нравится?

– Очень. И Ротару, и Анне Вески.

– Рома, бери пример со своего друга. Кстати, а я ведь к вам не просто так. Порадовать вас решил. Андрюша завтра поедет брать интервью у Софии Ротару. А вечером пойдет с женой на концерт.

– Понятно. А мне до сих пор даже в кукольный театр билетов не предложили ни разу, – с обидой произнес Хузин.

– Сам сказал, что советскую эстраду не жалуешь. Теперь к заданию. В пятницу заслуженному егерю страны, Герману Адольфовичу Вуцансу, исполняется 60 лет. Возьмешь интервью, фотограф пусть снимков нащелкает побольше.

– Не повезло егерю с именем-отчеством. Германом звали Геринга. Про Адольфа молчу.

– Вот и молчи, Хузин. У меня есть давний товарищ, которого тоже зовут Адольф. Брата моей жены зовут Герман. Вашего друга Колодяжного родители нарекли Йозефом.

– А при чем тут Йозеф?

– А при том, что так звали Геббельса.

– Да, и вправду. Нужно Малютке новую кличку дать. Будет он теперь «комсомолец Геббельс».

Уже выходя из кабинета, главный, обернувшись, спросил:

– Рома, а может, все же сходишь с Зоей на Ротару? Билеты у Татьяны в кабинете можешь забрать. Я ей скажу.

– Да, с Зоей, пожалуй, схожу, – улыбнулся Хузин. – Спасибо.

Андрею никогда не приходилось брать интервью у звезд эстрады. Вопросы он подготовил заранее. На встречу отправился в костюме и при галстукке. Обильно побрызгал одеколоном шею и волосы. Задавая первые вопросы, нервничал и потел, но сумел взять себя в руки. Со встречи ушел с календариком певицы и в возбужденном сознании.

Роману было проще. Заслуженный егерь пригласил Хузина в гости. Он жил в двухэтажном доме в двадцати километрах от Риги. Большой сад, по участку носился красавец сеттер. Хозяин владений оказался человеком хмурым и неприветливым. В ответ на поздравления молча кивнул головой. Беседу вели в большой гостиной, стены которой были увешаны трофеями. Пока Рома задавал вопросы юбиляру, фотограф Андрис наматывал пленку «Зенита».

Утро пятницы для Ромы началось с вызова к главному. Он шел по редакционному коридору под одобрительные возгласы коллег. Заготовленное приветствие заглушил крик Матвеича:

– Хузин, ты что творишь, а?! Что ты творишь, негодяй эдакий?!

– А что, собственно, произошло, Виктор Матвеич?

– Что произошло?! А вот это произошло, – главный разложил на столе свежий номер газеты. – Это что за ...б твою мать, Роман?

– Это не ...б твою мать, Виктор Матвеич. Это Нормунд Адольфович Вуцанс. Заслуженный егерь и просто хороший человек.

– Я про фотографию спрашиваю. Про эту похабщину и стыд!

– А мне кажется, что нормальное фото. Хорошо держит полосу, отображает профессию.

Над фотографией хохотала вся редакция. Не оставил равнодушным снимок и большинство читателей. В большом кресле восседал улыбающийся во весь рот герой материала. Правая рука гладила крохотного котенка. В левой он держал небольшой томик стихов. Макушку егеря венчали огромные, ветвистые рога оленя. Снимок был сделан мастерски. Фотограф взял ракурс снизу, присев на корточки. Рога не висели на стене, не парили в воздухе. Они именно «росли» из головы юбиляра. Подпись под фотографией сообщала: «Заслуженный егерь Нормунд Адольфович Вуцанс. Прекрасный человек и отличный семьянин».

– Хорошо полосу держит, да? А ты знаешь, что он уже звонил?

– Откуда мне знать?

– Звонил и обещал тебя пристрелить, если в лесу встретит.

– Я же не Маугли и не ученик лесной школы, чтобы по лесам шастать. Теперь и по грибы ходить не буду. И все же гнев юбиляра мне непонятен.

– Зато он мне хорошо понятен. И твоим почитателям, которые с утра гогочут над этой порнографией.

– Виктор Матвеич, но я ведь не со зла, а совершенно случайно.

– Хватит, хватит врать. Я ведь все узнал. Выпускающим редактором был Абик. Он поставил совсем другое фото. Где Вуцанс в егерской форме и с ружьем. Но тебе захотелось посмеяться над народом. И ты заставил Абику вклеить именно вот эту карикатуру, да еще и с издевательской подписью про отличного семьянина. А заголовок?

– Вы еще скажите, что интервью плохое.

– Я про заголовок говорю, а не про интервью, твою мать, – Матвеич подпалил сигарету и тут же нервно ткнул ею в пепельницу. – «Нормунд Вуцанс. Он понимает язык лосей и бобров». Ты совсем охренел, Рома? Он же егерь, а не животное!

– Виктор Матвеич, это его слова. Он сам сказал, что иногда ему кажется понятным язык лосей, бобров и филинов.

– Но зачем это было выносить в заголовок? Чем тебе не угодил этот лесник?

– По-моему, вы утрируете, Виктор Матвеич. Ну не предложил даже чаю выпить, это ладно. А в остальном все нормально.

– Понятно. Зато, если бы он предложил выпить водки, ты бы эту клоунату с фото и заголовком не сотворил. Вот Андриюша Марьин. Вот молодец! Взял отличное интервью у Софии Ротару. Она ему календарик с автографом подарила в благодарность. И читать его работу приятно. Начал исправляться парень. А у тебя все через жопу.

– Стараюсь не отставать от курса Родины.

– Знаешь, почему ты сейчас так говоришь, Рома? Потому что времена изменились. Теплее стало, вольготнее. А еще ты пользуешься моей добротой и уважением к твоему таланту. Но и у доброты есть граница. В случае с тобой добро и вправду наказуемо. Рома, скоро я уезжаю в отпуск.

– Слышал, что на озеро Балатон, Виктор Матвеич. Мечтаю туда попасть.

– Попадешь. Если дуришь перестанешь, обязательно попадешь. Рома, не дай бог мой приезд омрачит новость о твоей очередной выходке. Это будет не последней каплей. Это будет последней Ниагарой. Но накроет она тебя.

Марьян перепачканными пальцами пытался заменить ленту на пишущей машинке. Матерком поминал производителей.

– Взгрел Матвеич за этого лося Вуцанса?

– Взгрел и тебя в пример поставил. Любитель Вески и Ротару... А еще сказал, что в отпуск отчаливает.

– И хорошо. Вернется отдохнувшим, добрым.

– Он этот момент упомянул. Сказал, что не дай бог я омрачу его приезд какой-нибудь очередной выходкой.

– Ты, Ромка, может, и не омрачишь. А вот Гвидо это сделать вполне способен.

– Вырос бы у него хер таким же большим, как рога у этого хмурого лесничего, – мечтательно произнес Рома.

К вечеру Ригу накрыли тяжелые тучи. На уставший от жары город упали первые капли дождя. В крохотном баре звучал голос Джо Дассена и пахло хорошим кофе. Зоя с грустной улыбкой смотрела на мокрую брусчатку мостовой.

– О чем думаешь, Зоюшка?

– Думаю, Ромка, почему ты все никак взростеть не хочешь.

– Может, не дано. А может, просто не хочу. Ты про случай с рогатым егерем?

– Да хотя бы и про него.

– Зой, ну не мог я это фото не поставить. Меня даже внутренний голос убеждал – не надо. По слогам убеждал, представляешь? А я возьми да поставь.

– Терпеливый он у тебя, Ром, – внутренний голос. Подсказывает, а ты его посылаешь куда ни попадя, да еще над ним и хохочешь.

– Зой, а как здесь жить без смеха?

– А кто сказал, что нужно жить без смеха? Просто ты возвел клоунаду в степень. Может, на сцену тебе? Красив, пишешь хорошо, актерскими способностями не обделен.

– Зоя, я же максималист. А второго Райкина или Хазанова из меня не получится. – На самом деле у Ромы была задумка стать юмористом. – А потом... Соблазнов много. Поклонницы, гастроли, банкеты...

– Ты и без сцены бегать на поводу у соблазнов успеваешь. А ведь, наверное, я бы тебя другим и не любила, Ромка, – Зоя с улыбкой подмигнула. – То есть не собираешься ты взростеть?

– Не-а, не собираюсь. Но ты представь, как мне тяжело помирать будет, ежели до старости доживу. Тело дряхлое, а в душе мальчишка. Все будут говорить, что пожил свое, а мне за их слова станет обидно.

– Рома, заканчиваем некрологические темы и едем домой заниматься сексом.

Так же стремительно пролетел еще один месяц после начала плана «Б». Шнапсте и на сей раз оказался предупредительным – он позвонил. Хузин держал трубку на почтительном расстоянии от уха. До Марьяна доносились обрывки фраз: «Вы, бл...дь... на БАМ, суки...

посидите на баланде... затесавшиеся в ряды ВЛКСМ предатели... у меня хер отвалится... Бог есть...» Хузин нежно гладил гипсовый бюст Ленина. Марьин зубами соскребал краску с карандаша, переходя на покусывание резинки. Наконец раздались короткие гудки, и трубка была впечатана в пазы аппарата.

– Завтра едем на редакционное задание. По легенде. Здесь не появляемся, – порешил Рома. – Гвидо прискачет ранним утром. Глюкоза не оказала положительного действия на развитие полового органа Гвидо Шнапсте. Аминь.

– На какое задание? Все равно не отвертимся. Я же слышал почти весь разговор. И я не хочу в зону, Рома. А уж тем более на БАМ. И из-за кого? Из-за какого-то халдея и твоих способностей к актерству и авантюрам. Шестьсот шестьдесят пропитых рублей не стоят моей свободы, Рома. Шестьсот шестьдесят рублей не стоят слез моих девочек!

– Почти дьявольское число. Мы бы выкрутились, Андрюха... Если бы взяли шестьсот шестьдесят шесть целковых, то непременно выкрутились бы. А так на нас обиделись и Бог, и дьявол. Первый за две шестерки, а второй за нерешительность дорисовать третью. Это нас, Андрей, и погубило. Мы стали заложниками адской нумерологии. И помочь может только одно. В буфет! В буфет! В буфет!

– Рома, ты законченный идиот!

Андрей пришел домой за полночь. Света вновь заикнулась о пределах терпения и несчастном ребенке, растущем без отца. Марьин отвел жену на кухню. Медленно опустился на колени, щедро оросил слезами пол. До этого момента он клялся три раза. Когда повязывали алый галстук, вручали комсомольский билет и пытались ограбить, пригрозив «финкой». В пионеррию он верил. Комсомольский билет приравнивал к автобусному проездному. Бандитам не соврал – денег не было, часы лежали в ремонте. Андрей клялся жене, что если и не бросит окончательно, то значительно сбавит обороты. Света поверила, увлажнила щеки. Близость принесла удовлетворение только ей. В финале супруга воскликнула: «Ух! Какой же он у тебя большой, Андрюша! Какой большо-о-ой!» Марьин тут же вспомнил о Шнапсте и растоптал в себе удовольствие.

Рома ночевал у Зои. Поглаживая ее животик, говорил о надвигающейся грозе. Вспоминал библейские заповеди, цитировал Некрасова и пел под гитару баллады Высоцкого. Повторял, что он законченный неудачник и пропойца. Но вопрос Зои «Что случилось?» остался без ответа. Медленно сползая с девушки, он предложил ей выйти за него замуж. Зоя ответила, что это все водка, и отвернулась к стене.

Гвидо Шнапсте заснул ближе к восходу солнца. Пробудившись от перезвона трамвая, вызвал такси. Водитель, внимательно изучив лицо клиента, поинтересовался, все ли у того в порядке. Гвидо ответил, что порядок будет наведен.

Откинувшись на спинку кресла, Зоя обмахивалась журналом «Крестьянка», перебрасываясь короткими фразами с корректором Аней. Неожиданно возникший перед столом приемной посетитель напугал обеих. На голове – колтун из волос, в глазах ярость. Сжатые кулаки прижаты к бедрам:

– Где эти два подонка? Где вестники зла, подлости и обмана?!

– Вы, собственно, о ком? – спросила Зоя.

– О мерзавце Хуйзине и скотине Марьине! Об этом адском дуэте аферистов.

Как писалось выше, люди не в себе были частыми гостями редакции. Но столь агрессивных визитеров Зоя припомнить не могла.

– Во-первых, не Хуйзин, а Хузин. Шуточка пошловата и может иметь последствия. Во-вторых, не подонки и негодяи, как вы изволили выразиться, а известные журналисты и уважа-

емые в городе люди. И в-третьих. Милиция реагирует на наши звонки оперативно. Без задержек она на них реагирует.

– Я еще раз спрашиваю, дамочка! Где они?! Где эти двуногие шакалы, гиены, падальщики?

– Товарищи Марьин и Хузин находятся на редакционном задании. Хотите точнее? Собирают материал про успехи кекавской птицефабрики.

– А-а-а. Ищут очередную стекляшку с лекарствами. Конечно! Мои деньги уже пропиты! Нужно отыскать еще какого-нибудь наивного чудака!

– Я не знаю, о какой стекляшке идет речь. Судя по поведению, вы говорите о водке, которой перебрали. И лекарства вам попить определенно стоило бы. Кажется, про милицию прозвучало отчетливо и ясно.

Шнапсте попытался умирить пыл:

– Хорошо-хорошо... давайте обойдемся без милиции. Тогда проводите меня к главному редактору.

– Виктора Матвеевича на месте, к сожалению, нет. Он находится на отдыхе.

– Тогда проводите к исполняющему обязанности.

Замещал главного редактора Иосиф Валерьевич Шиндельман – человек с бугристой залысиной и карими глазами, в которых вечно читался вопрос. Свой творческий путь он начал в заводской многотиражке. Писал стихи о фрезеровочных станках, промасленных робах и любви к Родине. Иногда выдавал скучные фельетоны про столовую предприятия и несознательных токарей, поклоняющихся портвейну «Агдам». Два раза Шиндельмана подкараулил нетрезвый пролетариат. Но Иосиф помнил о «звездном часе», и, как оказалось, не зря. Одно из стихотворений заметили наверху. Психоделический соцреализм зацепил функционера, воспитанного на творчестве рифмовщиков-энтузиастов.

Красные флаги над Латвией выются,
Толпы ликуют, детишки смеются,
Радость, веселье от края до края,
В пении птиц слышно: «Первое мая».
Цветом другим расцветает акация,
Радость, веселье – идет демонстрация.

...И т. д.

Иосифа заметили и перевели в «молодежку». Нащупав первую ступень, он помчался по карьерной лестнице со скоростью опытного спринтера. Гордился метеорологическим псевдонимом Тимофей Февральский. Любил нахваливать стервозную жену и мудрое партийное руководство. Когда в кабинет зама ворвался Гвидо, Иосиф Валерьевич сочинял стихи к детскому утреннику припозднившегося с рождением сына Виталика. Кивнув головой, Шнапсте уверенно подошел к столу. Без разрешения схватил деревянную линейку и, медленно расстегнув ширинку, приспустил джинсы. Резко сняв трусы, Гвидо, приладил геометрический инструмент к эрегированному члену и заорал:

– Видите?! Нет, вы видите?! Он так, бл...дь, и не вырос!!! Не вырос, понимаете?! Он остался таким, как и был! Он еще и морщится, находясь в состоянии покоя! Знаете, как он морщится?! Ужасно! – Гвидо соорудил отвратительную гримасу. – Он морщится, как младенец, который не хочет есть кашку. Десять сантиметров!

Десять несчастных сантиметров – и никакой надежды на взлет! Деньги, здоровье, бессонные ночи – и никакого прогресса!

– Остановитесь! Остановитесь, человек! – Вечный вопрос в глазах исполняющего обязанности сменил ужас.

– Останови-и-тесь, – передразнил Гвидо. – Вы когда-нибудь привязывали к своему херу жгут? Один конец к дверной ручке, а второй к члену? Нет?! А я привязывал.

Иосиф Натанович побледнел и начал сливаться с голубоватой стеной кабинета. Под очками захлопали черные густые ресницы. Первым желанием Шиндельмана было снять телефонную трубку и набрать две цифры. 01, 02, 03 – ему было все равно. Но, пытаясь взять себя в руки, заместитель передумал – вдруг не успеет? На столе покоились предметы, способные нанести ощутимые увечья – ножик для резки бумаги, такой же гипсовый бюст Ильича, как в кабинете Марьины с Хузиным. Довершала экспозицию бронзовая фигурка партизана с автоматом ППШ. Последний состоял сплошь из острых углов, за что в редакции статуэтку нарекли «дикобразом». Иосиф Натанович старался предугадать ход дальнейших событий. Если этот внезапный псих схватит бюст или ножик, можно метнуть ему в башку застывшего в металле воина. Шнапсте застегнул «молнию». Попытка вновь приблизиться к столу была остановлена театральным жестом. Шиндельман обратил к надвигающемуся Гвидо вспотевшую ладонь:

– Остановитесь, молодой человек! Остановитесь во имя всего святого и присядьте! Одним неразумным поступком вы можете сломать себе всю жизнь. Остановитесь!

Гвидо занял место на одном из стоящих у стены стульев.

– А теперь давайте разберемся в ситуации, – решил взять на себя роль психотерапевта Шиндельман. – Только что вы показали мне половой член. Поступок, нужно сказать, более чем странный. И потрясали вы им безо всякого чувства стыда. Мне вот, допустим, и в бане как-то неудобно порой.

– Знаете, и мне тоже неудобно! В бане, в постели, на пляже. Везде неудобно. Потому как он маленький и не хочет расти. Мне даже перед самим собой неудобно, когда я захожу в туалет.

Голос Шиндельмана стал мягче:

– Ну, он же у вас не ребенок. Почему же вы думаете, что он должен расти? Вам сколько лет? Кстати, вы не представились, – сыпал вопросами Иосиф Натанович.

– Мне тридцать два года. А зовут меня Гвидо Шнапсте. Гвидо Рихардович Шнапсте. Родился в Риге, закончил 23-ю школу. Всегда и везде на хорошем счету.

– А меня зовут Иосиф Натанович Шиндельман. Или Тимофей Февральский. Это мой творческий псевдоним. И мне уже пятьдесят шесть, уважаемый Гвидо. Но вот какая заковыка. У меня он тоже не растет. Я про детородный орган. И смею заметить, не растет довольно-таки продолжительное время. А все потому, что процесс его эволюции закончился, когда мне стукнуло семнадцать. Половой член мужчины – это не волос, не ноготь и не молодой подосиновик, товарищ Шнапсте, – Шиндельмана потянуло в осенний лес. – Позволю себе задать вам вопрос. Вас давно преследует навязчивая идея о том, что ваш «друг» должен тянуться ввысь, подобно озорному весеннему стеблю?

– Какая навязчивая идея?! Какие, в жопу, стебли? – опять вспылил Гвидо. – Вы что думаете? Вы думаете, я сумасшедший, да?! Думаете, я стою на учете в клинике? Вы ничего не понимаете! Мне не помогли уколы этих прохвостов! Этих негодяев, позорящих честь комсомола. Пенис не прибавил ни на миллиметр! А деньги ушли. Растворились в пробирке с отвратительного цвета жидкостью. Я прыгал голый, жрал капусту и чеснок, не занимался любовью с женщинами и не пил. Но он так и не вырос!

– Хорошо-хорошо... Но почему вы не пошли в больницу? К тем самым негодьям, которые делали вам инъекции? Там есть старший медперсонал. Образованные, ответственные товарищи с большим опытом работы. Расскажите о проблеме врачам, и они сделают организационные выводы. Хотите, я позвоню и вызову врачей? Они быстро приедут, и вы им все объясните. И потом... Вы говорите – деньги. В нашей стране бесплатная медицина, и мы можем привлечь мздоимцев к ответу по всей строгости нашего советского закона.

– Похоже, вы ни черта не понимаете, товарищ Шиндельман. Или строите из себя наивного дурачка. А может, вы вообще заодно с этими процелыгами? Сейчас я постараюсь все вам объяснить. Не врачам, а именно вам. Открыть глаза на то, с кем вам приходится работать.

Гвидо опустил на стул. С минуту потерев ладонями колени, начал рассказывать. На протяжении всего повествования Шиндельман хватался за голову и сыпал междометиями.

В эти минуты Андрей и Рома с грустными лицами опорожняли массивные керамические кружки пивного бара «Zem Ozola» («Под дубом»).

– У меня дурное предчувствие, Ромка. А предчувствия меня редко обманывают. Этот жонглер тарелками нам всю жизнь поломает.

– Хватит ныть. Максимум – схлопочем по выговору. Да и Матвейч у нас не без чувства юмора. Позлится, наорет, а в душе ему все равно смешно будет. Нужно на время немного сбавить обороты с водочкой и показаться ему сознательными парнями, вставшими на путь исправления. Выдадим несколько хороших репортажей. А еще можно взять шефство.

– Над кем?

– Например, над какой-нибудь страдающей паркинсоном бабушкой. Или над хулиганистым мальчиком, у которого родители алкаши. А лучше над сбившейся с пути гулящей девушкой.

– Забавно. Алкаши возьмут шефство над отпрыском алкашей... Я Свете уже поклялся. Встал на колени и дал клятву. Сказал, что сразу, может, и не брошу, но дозы уменьшу значительно.

– Звучит как обещание наркомана. Дозы... Значительно уменьшишь дозы и помрешь со скуки. А потом и я в ящик сыграю. Я буду не в силах видеть картину мучений моего друга. Конечно, пить нужно меньше. А на время, может, и вообще стоит завязать. Но как снимать напряжение?

– Культурным досугом, – предложил Андрей.

– Хорошо. Допустим, можно поехать в Межапарк. С фальшивыми улыбками посмотреть на дурно пахнущих животных, покормить конфетками обезьянок. На катамаранах можно покататься. Но в Межапарке, даже сейчас, пивом разве что в сортирах и комнате кривых зеркал не торгуют. Да и надоест каждые выходные туда таскаться. Есть вариант с Юрмалой. Но это вообще гнездо разврата. На запах сосен и самцов слетаются шалавы со всего Союза. Я тут недавно подсчитал. Из детей разных народов у меня не было только казашки, таджички и азербайджанки. Даже с туркменкой посоревновался в выносливости. И все благодаря всесоюзной здравнице. В театре тоже буфет. Даже два. Идти трезвым на хоккей – преступление.

– Рома, если так рассуждать, то лучше вообще умотать на хутор. Но там ты начнешь гнать самогон. А ведь можно самолетики клеить и раскрашивать, как это делал Соломатин. На курсы какие записаться. Или марки начать собирать.

– Марки в этой стране собирают три категории людей. Идиоты, подпольные миллионеры и коллекционеры. Первые покупают то, что в цене только падает. Профили Володи лысого, серии из жизни фауны и флоры, серии с космонавтами и велосипедистами. Вторые старательно увеличивают капитал. Третью категорию к здоровым людям не отнесешь. Будут голодать, но дорожить коллекцией ценой в яйцо Фаберже. Мы с тобой не идиоты, Андрюша. И богаты мы разве что духовно.

– Рома, пойду я позвоню в редакцию. Непокойно мне как-то. Нужно обстановку узнать.

Вернулся Андрей расстроенным. Походил он в такие моменты на понурую дворнягу. Попросил официанта принести двести граммов водки и бутерброды.

– Шнапсте сидит в редакции. Уже полчаса изливает душу в кабинете Февральского. Зоя раз пять у меня спросила, что мы натворили. Кое-что ей подслушать удалось через дверь. Хал-

дей сумму назвал. А еще говорит, что у него аллергическая реакция на жизнь, лиловая жопа, половое бессилие и желание уйти в мир иной с кирпичом на шее.

– Последнее стало бы спасением и для нас, и для него. И себя мучает, и нас, и свою жопу, Андрюш. Грех, конечно, такое говорить, но мир с уходом Шнапсте ничего не потеряет. А может, и приобретет.

– Господь с тобой, Ром. Совсем спятил? Бога побойся. Сам развел его на деньги, а теперь смерти желаешь.

– Но он бессовестно лжет. Про бессилие, желание утопиться и аллергию на жизнь. На чеснок у него аллергия. Хочет вернуть эти несчастные шестьсот шестьдесят рублей. Халдеи не привыкли терять. У них в башке калькулятор, способный только на операции «сложить» и «умножить».

– Так, может, вернем деньги, Ромка? – неуверенно выговорил Андрей.

– Вернем? А с каких это накоплений мы их вернем, интересно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.